

1 2011
30617к

А. ДЖУНИСБЕКОВ

**ПРОСОДИКА СЛОВА
В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Институт языкознания

А. ДЖУНИСБЕКОВ

ПРОСОДИКА СЛОВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА АТА · 1987

Джунисбеков А. Просодика слова в казахском языке. - Алма-Ата: Наука, 1987. - 92 с.

Рассматривается проблема определения и описания просодики слова в казахском языке. Критически анализируются взгляды ученых на просодику тюркского слова, которая до сих пор определяется как словесное ударение. Анализ фактов казахского языка показывает, что просодическим признаком слова в казахском языке является сингармонизм, следовательно, наличие словесного ударения как просодического признака слова автором отрицается.

Для тюркологов, преподавателей и студентов филологических факультетов, учителей школ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор филологических наук
Т.Т.ТАЛИПОВ

Д $\frac{4602000000-001}{407(05)-87}$ 128.87

© Издательство "Наука" Казахской ССР, 1987

ВВЕДЕНИЕ

Многие тюркологи-фонетисты считают решенными и бесспорными основные фонологические и фонетические проблемы казахского языка (вопросы членения речи на минимальные значимые единицы, их звуковой состав, артикуляционно-акустические характеристики гласных и согласных, просодика слова и интонационная система). Традиционные результаты фонетических исследований широко известны. Несмотря на принципиальные типологические различия между индоевропейскими и тюркскими языками, членение казахской речи на минимальные сегменты происходит на фонемном уровне; при этом используется правило индоевропейского языка: если два звука встречаются в одинаковой фонетической позиции — это две фонемы, если нет — аллофоны одной фонемы. Что касается [q] и [k], [ŋ] и [ŋ], то они считаются разными фонемами без всяких теоретических объяснений. Каждый согласный казахского языка аналогично индоевропейским согласным фонемам имеет одно обобщенное артикуляционно-акустическое описание, а реализуется в виде четырех самостоятельных сингармонических вариантов, которые кроме общих черт, характерных для данного согласного, имеют взаимоисключающие произносительные и перцептивные оттенки. Кроме того, артикуляционно-акустические описания большинства гласных и согласных также аналогичны идентичным индоевропейским звукам: и индоевропейские е [ɛ], о [ɔ], и казахские е [e], о [o] — открытые монофтонги; и индоевропейское к [k], и казахское к [k] — заднеязычное.

Просодика казахского слова полностью сведена к индоевропейскому словесному ударению. В результате сингармонизм, о словоорганизующей роли которого писал еще Бодуэн де Куртэнэ, упоминается лишь как "гармония гласных" — термин, который фонологически неоправдан и фонетически неточен, и выпадает из системы известных в общей лингвистике просодических единиц. Это подтверждает В.Б.Касевич, который говорит об ударении и тоне как основных, если не единственных, "субинтонационных" просодиче-

оких средствах (просодемах)¹. Поводом для такого заключения, надо полагать, послужили исследования тюркских фонетиков, считающих единственной просодической единицей словесное ударение. Наряду с тоном оно наиболее полно изучено в общем языкознании.

Что касается интонации в казахском языке, то ее коммуникативный, логико-эмоциональный аспекты мало исследованы. В результате акустические характеристики различных типов интонации интерпретируются как проявление словесного ударения.

В работе В.Б.Касевича дается образец фонологического анализа, нетрадиционного для индоевропейской фонологии; указывается на то, что последовательное проведение принципов лингвистического анализа обнаруживает радикальную специфику в фонологическом устройстве так называемых слоговых языков (китайского, вьетнамского и др.), для описания которых классическое понятие фонемы оказывается неадекватным. Если учесть, что отношение к индоевропейским (акцентным) языкам тюркских (сингармонических) аналогично отношению восточных (тональных) языков (только с другим фонологическим качеством), то значение тюркских языков для общей теории фонологии также велико. Таким образом, названные группы языков занимают разные вершины символического треугольника соответственно своему просодическому признаку:

Геометрическая фигура ограничена тремя углами, поскольку нам известны пока три способа просодической организации слова:

¹См.: Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 162.

акцентный, тональный и сингармонический. Возможно существование других способов в мало исследованных языках. По мере их обнаружения будет расти и количество углов геометрической фигуры. Однако неизменным останется главный принцип модели — несовместимость двух просодических средств организации слова в фонетической системе одного или группы родственных языков, о чем свидетельствуют и результаты исследований. В.Б.Касевич заключает, что сосуществование тона и ударения в пределах одной просодической системы вряд ли возможно (или по крайней мере "нормально") в принципе.² В связи с этим весьма интересен аналогичный (но уже между тональными и сингармоническими языками) вывод Г.К.Вернера³. Енисейские языки (кетский, аринский, югский и др.) генетически относят, по одной из гипотез, к палеоевразийскому типу. Для их вокализма характерны четыре степени подъема языка и наличие чередований аблаутного характера. Обе эти особенности исторически связаны со слоговой акцентуацией, резко отличающей енисейские языки, гармония гласных в них отсутствует, т.е. одно исключает другое. Мы тоже писали об отсутствии словесного ударения в системе казахского языка из-за его функциональной идентичности с сингармонизмом⁴. Взаимоисключающей является и фонетическая реализация ударения, тона и сингармонизма: если индоевропейское слово состоит из неравнозначных (градации ударных и безударных) слогов, то казахское слово состоит из равнозначных (однородного тембра) слогов. Таким образом, для индоевропейского слова характерно обусловленное словесным ударением импульсивное, для казахского — обусловленное сингармонизмом равномерно распределенное (равномерное) произношение, что, естественно, несовместимо в признавательном плане.

Результаты пока малочисленных исследований показывают, что просодические средства организации слова между индоевропейскими и восточными языками, с одной стороны, индоевропейскими и тюркскими — с другой, между восточными и тюркскими — с третьей, не могут сосуществовать в пределах одной родственной группы

²См.: Касевич В.Б. Филологические проблемы ... С. 178.

³См.: Вернер Г.К. Енисейское языкознание: результаты и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 36.

⁴См.: Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980. С. 73.

языков, что вполне соответствует принципам приведенной нами модели.

"Европоцентризм", в частности "акцентоцентризм" и "фоноцентризм", не решил, да и не мог решить кардинальные проблемы казахской фонетики, ибо принципы и средства фонологического анализа акцентных (несингармонических) языков были перенесены на сингармонические (неакцентные) языки. Отсутствие общепринятой теоретической платформы не позволяет объяснить специфическое устройство фонологии тюркских языков, несмотря на обилие экспериментальных данных.

Перенос принципов и средств акцентного (несингармонического) письма на сингармоническое (неакцентное) привело к теории о нарушении сингармонизма, которое в действительности отсутствует в живой речи носителей казахского языка на современном этапе.

Если учесть, что фонетическая реализация тюркского слога (слова) и его консонантного и вокального компонентов запрограммированы сингармонизмом, то в первую очередь должна быть создана фонологическая теория сингармонизма.

Таким образом, исследование фонологической системы казахского языка должно начинаться с определения просодики слова: она подсказывает (по опыту изучения индоевропейских и восточных языков), в каком порядке и по какой линейной величине происходит членение речи; какие существуют основные типы звуков (гласные и согласные), которые следует описать артикуляционно и акустически. Исследование звуков речи современными методами экспериментально-фонетического анализа, позволяющего описать их с большой точностью, должно вестись фонологически избирательно и только лингвистически, с точки зрения фонологии данного языка.

За последние годы существенно увеличилось число работ, посвященных тюркскому словесному ударению хотя само его наличие ставится под сомнение. Исследований по сингармонизму очень мало. Вероятно, это объясняется тем, что лингвистические функции сингармонизма в фонологической системе тюркских языков приписываются словесному ударению, в результате чего оно приобретает в глазах исследователей феномен важной лингвистической единицы. Лишившись всех своих исконных лингвистических качеств, сингармонизм остается лишь чистым фонетическим явлением ("гармонией гласных"), вызывающим у акцентологов недоумение.

Почти все работы по просодике тюркского слова посвящены описанию словесного ударения, которому приписывают чрезвычайно важную роль, а сингармонизм в них рассматривается как простой фонетический процесс. Недостатком звено в фонетическом устройстве тюркских языков было найдено в индосвропейском словесном ударении, а идентичность функций словесного ударения и сингармонизма создает иллюзорную логичность такой замены. Вероятно, поэтому работы по данным вопросам во многом ограничены и противоречивы. Особенно много противоречий в исследованиях по тюркской акцентологии (сравним, например, характеристику турецкого и башкирского ударения у разных ученых), что, вероятно, можно объяснить отсутствием единых методических установок у исследователей различных тюркских языков⁵. Такие противоречия порождены главным образом тем, что исследователи под фонологическую основу так называемого тюркского словесного ударения подогнали лингвистические функции сингармонизма, а под фонетическую — акустические признаки логико-экспрессивной выделенности слога, интонации различных коммуникативных типов предложений (назывного, перечислительного, точкового, вопросительного, повествовательного, повелительного).

Реальная картина фонетического устройства казахского языка может быть создана только при правильном понимании всех фонологических функций сингармонизма и верном описании его артикуляционно-акустических характеристик.

В тюркских словах ударение падает на последний слог, о чем говорится во многих работах, учебниках для вузов и школ, и это является основой учебно-методических работ. Тем не менее высказываются единичные сомнения, а то и полностью отрицается ударение.

Решение этой проблемы имеет большое научное и практическое значение: необходимо иметь четкое представление о фонетической системе казахского языка и ее месте в общей лингвистике. От наличия или отсутствия словесного ударения зависит правильная постановка обучения в тюркской аудитории русскому и иностранным языкам. До сих пор целый ряд фонетических, этимологических, семасиологических, стилистических и других явлений

⁵См.: Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания // Советская тюркология. 1982. № 6. С. 3-27.

в диахроническом и синхронном плане объясняется исключительно влиянием ударения или как результат его передвижения с начала слова на конец в далекие времена.

Руководствуясь идеей Л.В. Щербы о существовании языков, в которых одно и то же выражается различным образом⁶, и опираясь на опыт анализа индоевропейской и тай-китайской языковых семей, можно прийти к следующим предположениям.

Словесное ударение, словесный тон и словесный сингармонизм являются фонетическими средствами, выполняющими аналогичную функцию: они скрепляют звуковые сегменты слога в единое целое. Если словесное ударение является просодическим средством достижения единства слова на фонетическом уровне в индоевропейских языках, то словесный тон является таким же средством в тай-китайских, а словесный сингармонизм — в тюркских (возможно, во всех урало-алтайских) языках. Следовательно, каждое из этих функционально-аналогичных средств является просодическим признаком, характерным для определенного типа языков. Будучи просодическими признаками слова, все три средства регулируют фонетическую градацию слогов в слове: словесное ударение — акцентную (ударный, предупредительный, предупредительный, заударный и подобные слоги), словесный тон — тональную (низкий, средний, высокий и подобные тоны), словесный сингармонизм — тембральную (твердый негубной, твердый губной, мягкий негубной, мягкий губной тембри). Каждый из трех признаков своеобразно регулирует артикуляционно-акустическое взаимодействие (коартикуляцию) звуков внутри слога. Каждый из трех типологически различных просодических признаков осуществляет специфическое членение слова на минимальные (в плане функционирования) звуковые сегменты.

Общей для всех трех типов просодики базовой фонетической единицей является слог, но фонетическая алиазация различна. В фонетической системе одного языка или группы родственных языков наличие всех трех или двух идентичных по функции и различных по реализации типов просодики слова, на наш взгляд, исключено.

Мы предпочитаем термину "акцентуация" (акцентология) термин "просодия", поскольку первый из них подразумевает "выделение

⁶ См.: Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. I. С. 103.

определенных элементов в слове и фразе посредством ударения"⁷, "то же, что ударение"⁸, т.е. является полным синонимом ударения, а последний - "фонетические характеристики единиц, больших, чем фонема"⁹, "общее название для сверхсегментных свойств речи"¹⁰, т.е. включает в себя и сингармонизм.

Мы пока не можем отказаться от термина "тембр", однако в значении не специфической сверхсегментной окраски речи, придающей ей экспрессивно-эмоциональные свойства¹¹, а акустического коррелята сингармонических вариантов тюркского слога (слова).

Такое несовпадение придает некоторую условность термину "тембр" при обозначении сингармонических вариантов звуков, слогов и слова. Его общefonетическое и тюркологическое значения различны. Поэтому для обозначения сингармонических тембральных вариантов тюркской речи необходим новый термин наподобие фонемы, тонемы или интонемы.

⁷Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 32.

⁸Рсзенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М., 1972. С. 16.

⁹Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. С. 257.

¹⁰Ахманова О.С. Словарь... С. 367.

¹¹Там же. С. 472.

Глава I. ПРОБЛЕМА УДАРЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

На протяжении целого столетия тюркологов занимает вопрос о словесном ударении. Мнения исследователей тут расходятся. Н.А.Баскаков отмечает, что русские и зарубежные тюркологи разделились не только во взглядах на место ударения в слове, но и на его природу и характер¹². А.М.Щербак подчеркивает, что нередко об ударении в одном и том же языке делаются прямо противоположные заключения¹³.

Массовые исследования словесного ударения начались в 30-е годы. Поскольку исследователи были в основном европейского происхождения, то им как носителям языка с ярко выраженным словесным ударением нелегко было представить безударное произношение. По мнению Л.В.Щербы, даже самое изощренное ухо слышит то, что привыкло слышать¹⁴. Справедливость этих слов лишний раз подтверждается практикой обучения казахов русскому языку. Они долго не различают разницу между русскими словами му́ка и мука́, за́мок и замо́к и т.п.

Е.Д.Поливанов писал об ударении как признаке единства слова, поскольку на одно слово приходится одно ударение. Но ударение выполняет и другие функции, совершенно различные в русском и, скажем, узбекском языке: в первом ударение способствует дифференциации слов и грамматических форм, во втором, как и в других турецких языках с постоянным ударением (на последнем слове), оно определяет не только единство слова (позволяет сосчитать число слов в воспринимаемой фразе), но и границы между словами¹⁵.

¹²См.: Баскаков Н.А. Каракалшакский язык. М., 1952. Т.2. С.107.

¹³См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 117.

¹⁴См.: Щерба Л.В. Избранные работы... С. 113.

¹⁵См.: Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933. С. 47.

В результате, если ученые нетюркской национальности убеждены, что в тюркских языках имеется (слышится) словесное ударение, то исследователи тюркского происхождения, находясь под влиянием авторитетных трудов, считают наличие словесного ударения давно доказанным и дают лишь его фонетическое (акустическое) описание.

Начальный период изучения тюркского ударения характеризуется существованием двух основных теорий о природе и характеристике ударения. Одна утверждала, что в тюркских языках ударение динамическое (экспираторное), другая — что ударение тональное (музыкальное).

Интересный вывод на основе экспериментальных данных сделал Г.Шараф. По его утверждению, в казак-киргизском произношении второстепенное начальное ударение заметно выделяется не только в многосложных словах, но и двусложных и трехсложных; там ясно воспринимается музыкальный характер и связанность этого ударения с несколько большей длительностью и силой начального слога¹⁶. Конечное ударение, по его словам, несколько слабее: по сравнению с татарским, например, имеется как бы некоторое перераспределение силы и энергии слогов¹⁷. Результаты, полученные Г.Шарафом, интересны тем, что зафиксировано слабое конечное ударение, тогда как все отмечали сильное фиксированное ударение.

По мнению И.А.Батманова, в киргизском, как и в ряде других языков, в составе дву- и более сложных слов один из гласных противопоставляется всем остальным гласным данного слова по силе экспирации (ударения)¹⁸. Принцип анализа по аналогии с другими языками приводит ученого к заключению о наличии словесного ударения в киргизском языке, и его взгляд на место и фонетическую природу словесного ударения совпадает с классическим утверждением о словесном ударении как фиксированном на последнем слоге и экспираторном. В турецком языке словесное ударение определяется преимущественно как экспираторное (не исключается и наличие тонического ударения)¹⁹. Его функции в основном сводятся к разграничению слов. Правда, Э.В.Севортян относит все

¹⁶См.: Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928. № 8. С. 242.

¹⁷Там же.

¹⁸См.: Батманов И.А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946. С. 56.

¹⁹См.: Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955. С. 137.

сказанное к ударению в изолированном слове. В отрицательном, восклицательном, повелительном предложениях и в предложениях с иным модальным содержанием динамика и высота ударения в слове, по его утверждению, могут меняться — следовательно, количественная сторона экспираторного ударения относительна, и потому слово (например экспрессивного характера) с сильным и высоким по тону ударением в изолированном положении может оказаться слабым рядом с другим словом, которое по своей роли оказалось ведущим в высказывании и потому получило более сильное ударение. То есть здесь под словесным ударением подразумевается не собственная фонетическая характеристика слова, а нечто обусловленное смыслом контекста-речи.

А.Н.Кононов словесное ударение в узбекском языке определяет как силовое, или динамическое, при котором ударный слог по сравнению с неударным выделяется главным образом большей напряженностью артикуляции гласного данного слога²⁰. В целом А.Н.Кононов придерживается классического взгляда на проблему. Но весьма ценно его замечание о безударном произнесении предложения, что наблюдается в спокойно-повествовательной речи, хотя это не дает оснований считать все элементы данного предложения под ударением, доказывающим фразовую обусловленность выделенности слова (слога)²¹. По мнению ученого, в таких типах предложений под ударением окажется только подлежащее и сказуемое. Следовательно, слова, образующие остальные члены предложения, произносятся без ударения.

Говоря о роли логического ударения, с помощью которого одна и та же фраза приобретает различные смысловые оттенки, А.Н.Кононов отмечает, что в турецком языке во фразе может выделяться и слог как наиболее важный смысловой сегмент²².

Н.А.Баскаков отмечает в современных тюркских языках фиксированное сильное ударение на последнем слоге, наличие второстепенного ударения в многосложных словах на одном из начальных слогов²³.

²⁰См.: Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960. С. 52.

²¹Там же. С. 56.

²²Там же.

²³См.: Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. С. 108.

Все работы по словесному ударению в тюркских языках содержат большой перечень исключений из правил. Общими Н.А.Баскаков считает перенос ударения на первый слог: а) при перечислении (в количественных числительных); б) в вопросительных местоимениях; в) при возникающей омонимии слов для их различения; г) в словах со служебными формальными элементами, которые не вполне превратились в аффиксы²⁴.

Как уже было отмечено, свое исследование словесного ударения в тюркских языках А.М.Щербак начинает с подробного обзора всех существующих точек зрения на проблему. Это вызвано тем, что до сих пор отсутствует какое-либо приемлемое ее решение.

Туркологи-фонетисты, на наш взгляд, должны обратить внимание на вывод А.М.Щербака об отсутствии в тюркском языке фактов, позволяющих говорить о его значительной функциональной нагрузке. Роль словесного ударения была, очевидно, небольшой и в чисто фонетических процессах в отличие от слоговой акцентуации²⁵. Это замечание особенно актуально, поскольку до сих пор появляется немало работ, основывающихся на наличии и влиянии словесного ударения, на его якобы перемещении с начального слога на конец слова²⁶.

С.К.Кенесбаев рассматривает словесное ударение как самостоятельную категорию в противоположность фразовому²⁷.

В настоящее время споры ведутся не столько о наличии или отсутствии словесного ударения, сколько о фонетической роли, месте и фонетической природе его.

Известно, что языковое чутье позволяет улавливать то, без чего невозможно общение на данном языке. Так, носитель русского языка, даже не зная правил, может поправить своего нерусского собеседника, неправильно поставившего ударение. Иначе в тюркских языках, в том числе в казахском: вопрос о месте ударения в каком-то слове может вызвать столько мнений, сколько испытуемых, несмотря на то что все они правильно произносят интересующее исследователя слово.

²⁴См.: Баскаков Н.А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Т. 2. С. 27.

²⁵См.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика... С. 117.

²⁶См.: Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965. 142 с.; Талипов Т.Т. Историческое развитие фонетической системы уйгурского языка: Дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1983. 52 с.; Қалиев Б. Қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың редуциясы. Алматы, 1984. 116 б.

²⁷См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962. С. 80.

Аналогичное явление наблюдается во французском языке. Л.В.Щерба указывает, что от незнания этого глубокого различия между фонетической структурой русского и французского языков зависят постоянные и совершенно нетерпимые ошибки русских против делимости французской речи или, как обыкновенно говорят, против "французской ритмики"²⁸. Л.Р.Зиндер отмечает, что ошибка заключается в укоренившемся мнении, что французский язык характеризуется связанным словесным ударением, падающим на последний слог²⁹.

Возникает вопрос: поскольку словесное ударение, как и фонема, является обязательным элементом звукового облика слова, можно ли называть словесным такое ударение, нарушение которого не влияет на акцентуационную норму языка³⁰ или которое в слове может вообще отсутствовать? Правильнее, по-нашему, считать просодию слова в предложении обусловленной ее синтаксической функцией, но тогда это уже будет единица другого, более высокого уровня, чем словесный акцент.

Т.Ахматов, принимая функцию словесного ударения как слово-разделительную, не отрицает его роли как средства морфологической дифференциации слов, в то же время в вопросе о природе ударения отмечает значимость всех компонентов: длительности, интенсивности и тона³¹, обращает внимание на подвижный характер ударения. Таким образом, в основном подтверждаются данные предшествовавших исследователей.

Проблеме киргизской акцентуации посвятил специальное монографическое исследование А.Орусбаев, рассмотрев ударение в слове и синтагме, уделяя большое внимание изучению их функций³².

Отмечая несущественность тона на уровне слова для носителя киргизского языка, он считает киргизское словесное ударение функцией интенсивности и длительности — силовым и долготным (динамико-количественным) (раньше тоже высказывались мнения о комбина-

²⁸См.: Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1953. С. 84.

²⁹См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 302.

³⁰См.: Современный казахский... С. 78.

³¹См. Ахматов Т.К. Звуковой строй современного киргизского литературного языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Фрунзе, 1969. С. 33.

³²См.: Орусбаев А. Киргизская акцентуация. Фрунзе, 1974. С. 54.

торном характере тюркского ударения, но одним из неизменных компонентов выступал тон). Основную функцию ударения он видит в сцеплении вместе с сингармонизмом сегментных единиц и в организации тем самых звуковых оболочек слов в некие законченные единства³³. Важно отметить, что в своих выводах А. Орусбаев отрицает словоразличительную функцию словесного ударения.

В азербайджанском языке обнаружено разноместное (около 30 случаев) подвижное ударение, в силу чего оно выполняет смысловоразличительную функцию³⁴. По наблюдениям, в дву-, четырехсложных словах ударение может падать на любой слог слова.

М.И. Трофимов, убежденный сторонник наличия словесного ударения в тюркских языках, отмечает влияние русской грамматики на формирование понятий, служащих для описания фонетики и грамматической системы тюркских языков³⁵. Следовательно, и на появление словесного ударения. Причем на последнее — не в результате языковых контактов, а путем привнесения самими учеными-тюркологами. Следует также отметить, что у М.И. Трофимова доводы в пользу словесного ударения при правильной лингвистической трактовке ставят его существование под сомнение. Например, о группе контрастных пар, которые составляют противопоставление форм или сочетаний знаменательных слов с частицами, он говорит не как о противопоставлении самих слов или отдельных форм, вычлененных из парадигмы, а как о противопоставлении целых моделей, в частности словоизменительных, основанных на омонимии некоторых формантов и частиц, т.е. как о противопоставлении самих этих формантов и частиц. Производящая основа имеет одно и то же значение в обеих составляющих пары (окушмыз — наш ученик, окушмыз — мы ученики)³⁶. По мнению М.И. Трофимова, случаи противопоставления омонимичных пар слов этим не ограничиваются. Он выделяет также противопоставления слов, образованных от одной и той же основы или корня, где один

³³См.: Орусбаев А. Киргизская акцентуация. С. 107.

³⁴См.: Абдуллаев Ш.М. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964. 23 с.

³⁵См.: Трофимов М.И. О смысловоразличительной функции ударения в узбекском языке // Советская тюркология. 1980. № 4. С. 63.

³⁶Там же. С. 65.

из членов также относится к словоизменительным моделям, а другой образуется с помощью словообразовательного аффикса (*тузма* — пуговица, *тузма* — не забывай). Третью группу составляют противопоставления, основанные не на омонимии форм, а на их многозначности, тесно связанной с позицией определенного слова в предложении (атам ишчи — мой отец рабочий, ишчи адам — рабочий человек). М.И. Трофимов не считает ударение способом образования словоизменительных форм и способом словообразования, хотя и не отрицает возможность существования такой тенденции; но ведущую роль он отводит позиции слова в предложении, а ударению — лишь вспомогательную как самостоятельному производному от нее. Ученый приводит примеры, где так называемое словесное ударение может быть замечено только во фразе, что доказывает как раз его "несловесность": у иш сизсиз битмайди — без вас не закончится та работа, бу ишга масул киши сизсиз — за эту работу вы ответственны. Здесь слово "сизсиз" приобретает значения "без вас" и "вы" не из-за ударения в первом случае на начальном слоге, во втором — на последнем, а в зависимости от контекста. Ударение на первом или на втором слоге — субъективная интерпретация фразы учеными. Если логическим центром окажется слово "иш" (работа), то словесное ударение сместится со слова "сизсиз". Следует отметить, что логическая выделенность того или иного слова в изолированной фразе или слове-фразе подсказывается смыслом предыдущего речевого текста. Отсюда и вольность исследователей: каждый по-своему находит ударное слово и ударный слог.

Таким образом, тюркское словесное ударение не обладает тем главным качеством индоевропейской просодики слова, откуда оно перекочевало, — быть обязательным элементом звукового облика слова.

Нельзя согласиться с М.И. Трофимовым в проведении параллелей между омонимами типа тюркского *көрме-көрме* и *сушу-сушу* в русском языке: русские омонимы в любой позиции в предложении, в составе любого коммуникативного типа предложения, при любом эмоционально-экспрессивном произношении не теряют свою акцентную структуру, тогда как каждый компонент тюркских омонимов может быть произнесен не только выделением любого слога в зависимости от фразовой интонации, но и без всякого выделения какого-либо слога. Например: *кызык көрме* (интересная выставка), *бул көрме* (это выставка, а не что-то другое), *көрме-эстетик* (не смистри-

глагол), бұны көрме! (сюда не смотри!). Если учесть, что это выкристаллизованные исследователями формы произношения, а кроме них есть еще множество эмоционально-экспрессивных типов их произношения, то, действительно, феномен тюркского ударения становится всеобъемлющим.

М.И.Трофимов считает средствами установления границы тюркского слова сингармонизм и ударение. Они могут сосуществовать, как ритм и рифма в стихосложении. Тюркские сингармонизм, система ударения и структура предложения создают в совокупности чрезмерную избыточность³⁷.

Для сингармонизма как пограничного сигнала нужны определенные условия в тюркской речи в виде строгого непрерывного чередования сингармонически разнотембральных слов, что исключено в языке. Невозможно произнести тюркскую фразу с ударением на последнем слове каждого слова, если даже вся фраза будет состоять из сингармонически однородных слов, следовательно, разграничительная функция связанного ударения "должна быть признана мнимой"³⁸. Думается, что систему пограничных сигналов в тюркской речи следует искать не в тюркской просодике. Чрезмерную избыточность создают сами исследователи, накладывая на сингармонизм в тюркских языках несуществующее словесное ударение как второй просодический признак слова.

М.И.Трофимов пришел к более или менее верному определению словесного ударения в тюркских языках не как самостоятельного средства смысловоразличения, а в основном как сопровождающего признака позиции слова в предложении³⁹. Действительно, от места слова во фразе зависит логический, эмоционально-экспрессивный и другие акценты в тюркских языках, но не словесное ударение.

В целом он весьма точно и образно сравнивает положение в тюркской акцентологии с английской детской игрой "Кто в замке король"⁴⁰. Добавим только, что мы ищем не того "короля".

³⁷См.: Трофимов М.И. О соотношении между ударением и редукцией гласных // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 51.

³⁸Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 261.

³⁹См.: Трофимов М.И. О смысловоразличительной функции... С. 71.

⁴⁰См.: Трофимов М.И. Проблемы тюркского ударения, аномалии и геминаты // Советская тюркология. 1983. № 2. С. 68.

До сих пор до конца не выяснена физическая природа турецкого словесного ударения и его локализация. Мнения тюркологов и в этом вопросе часто резко расходятся. В контексте (в речи), по словам Т.Д.Потаповой, словесное ударение может исчезать или менять свое место⁴¹ — это при том, что в турецких языках оно фиксировано на последнем слоге.

Как неоднократно отмечалось в наших работах, главной причиной нерешенности данной проблемы является непонимание того, что слова-фразы и слова во фразе в плане просодики интонационно оформлены одинаково. Однако исследователями слова-фразы дифференцируются как собственно изолированные слова в противоположность тем же словам во фразе. В результате различные проявления интонации слов-фраз интерпретируются как акустический коррелят ударения. Если учесть, что в зависимости от семантики контекста слова-фразы, как и развернутые фразы, могут быть произнесены (коммуникативно) со множеством несовпадающих в интонационной конструкции логико-эмоционально-экспрессивных оттенков, то становится понятной трудность однозначного понимания словесного ударения. Отсутствие единого мнения о его физической природе связано с тесным взаимодействием всех компонентов (тона, интенсивности, длительности) и многоаспектностью всякого высказывания, с отражением (кроме смыслового содержания) отношения говорящего, проявляемой им эмоцией — со всем тем, что, по словам Л.Р.Зиндера, обуславливает переплетение разных фонетических средств оформления высказывания⁴².

Надо добавить, что не словесное ударение модифицируется под влиянием фразового ударения, а само фразовое ударение модифицируется и меняет свое место не только в пределах многосложного слова, но и в пределах самой фразы в зависимости от коммуникативного и эмоционального содержания текста.

Обычно для доказательства словесного ударения его сторонники, как правило, в качестве примера приводят часто двусложные, реже многосложные слова. При этом они упускают из виду, что односложные слова-фразы и слова во фразе подвергаются таким же коммуникативно-эмоциональным модификациям, каким подвергаются дву- и многосложные.

⁴¹См.: Потапова Т.Д. Об ударении в турецких топонимах // Советская тюркология. 1978. № 5. С. 79.

⁴²См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 278.

Каждый компонент пары двусложных слов-фраз "алма" (яблоко) - "алма!" (не бери!) и пары односложных слов-фраз "ат" (конь) и "ат!" (стреляй!) коммуникативно одинаково противопоставлен один другому. Слова-фразы "алма" (яблоко) и "ат" (конь) - это повествовательный тип предложения, а слова-фразы "алма!" (не бери!) и "ат!" (не стреляй!) - повелительный тип предложения. Допустим, повествовательные слова-фразы произнесены назывной интонацией, тогда как повелительные слова-фразы - повелительной интонацией. Таким образом, интонация слов-фраз "алма" (яблоко) и "ат" (конь) имеют один общий акустический коррелят, а слов-фраз "алма!" (не бери!) и "ат!" (стреляй!) - другой. Если исходить из теории наличия словесного ударения (в данном же случае еще и смысловозначительного), "алма" (яблоко) и "алма!" (не бери!) дифференцируются благодаря распределению акцента между двумя слогами.

Тогда как быть с односложной парой слов, где невозможно распределение акцента между слогами, тем не менее акустически они дифференцируются подобно паре двусложных слов - "ат" (конь) - "ат!" (стреляй!)? Судя по всему, различие последней пары основывается на других фонетических признаках, нежели словесное ударение. К ним относятся коммуникативные типы предложения и различающие их акустические корреляты.

По этим же коммуникативным типам предложения и их акустическим коррелятам различаются и двусложные пары омонимов, которые реализуются как слова-фразы. Схематично это выглядит так:

Интонация назывная	Интонация повелительная
алма	алма!
ат	ат!

Как видим, различие тут не акцентное (на уровне просодии слова), а интонационное (на уровне просодии предложения). Непонимание этой специфики турецкой речи привело Т.Д.Потапову к выводу, с которым мы согласиться не можем: "Словесное ударение в турецком языке является слабоцентрализующим, но на парадигматическом уровне, то есть при изолированном произнесении слова, оно может выполнять фонологическую функцию, различая по смыслу слова с одинаковым набором фонем"⁴³.

⁴³Потапова Т.Д. Словесное ударение в турецком языке // Советская тюркология. 1982. № 3. С. 62.

Следует отметить, что ею делается попытка примирения сингармонизма со словесным ударением.

Экспериментальные методы изучения так называемого словесного ударения в тюркских языках без предварительного фонологического анализа не столько прояснили, сколько запутали вопрос, который теперь можно назвать тюркским "столпотворением". Нам кажется, что тюркологи-фонетисты (речь идет об экспериментаторах) не всегда правильно используют методы экспериментальной фонетики, вследствие чего инструментальное исследование ведется ради него самого и терлет фонологическую базу, в лучшем случае — предшествует фонологическому, что также приводит к недооценке последнего. Они порой не умеют лингвистически интерпретировать полученные экспериментально-фонетические данные, в результате зачастую слова, взятые в качестве экспериментально-фонетического материала, изолированы формально, внешне, а интонационно остаются в объеме развернутого текста, ибо "от слова односложное предложение отличается интонацией"⁴⁴. Причем интонационная выделенность одного из слогов односложного предложения ошибочно принимается за словесное ударение. Поскольку такая интонационная оформленность (хотя и одного слова) представляет мелодическую картину целого предложения и выходит за рамки фонетической структуры слова как таковой, то ее нельзя называть словесным ударением.

Видимо, не случайно на место ударения в тюркском слове могут указать только те специалисты-фонетисты, которые являются убежденными сторонниками словесного ударения; рядовые же носители языка, будучи и высокообразованными людьми, но не специалистами, этого сделать не смогут.

О преимущественном увлечении экспериментально-фонетическими методами в ущерб фонологическим говорит нередко встречающееся мнение, якобы вопрос о словесном ударении до сих пор не решен из-за отсутствия экспериментально-фонетических исследований. Наличие или отсутствие словесного ударения в языке определяется не электронной аппаратурой (например, в русском и других индоевропейских языках, ударение обнаружили задолго до успехов современной науки и техники), а фонологически подсказывается интуицией рядовых носителей языка. Лишь после этого следует провести экспериментально-фонетический анализ для определения акустической природы словесного ударения.

⁴⁴Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 234.

Главная причина нерешенности проблемы словесного ударения заключается, на наш взгляд, в отсутствии теоретико-фонологического подхода. Исследователи доказывают наличие словесного ударения в тюркских языках изолированно произнесенными словами; на самом деле последние входят в синтаксическую единицу большего объема, чем слово, и несут в себе часть интонации этой единицы. Нередко слова рассматриваются вне контекста, хотя они являются наиболее важными в определении смысла всего высказывания (один из слогов таких слов может нести фонетический признак — увеличение длительности, повышение тона, усиление интенсивности), значимы для выражения таких различий, как перечисление, побуждение, утверждение, вопрос, завершенность и незавершенность, логико-экспрессивность с множеством ее оттенков и т.д. Кроме того, часто для доказательства используют слова-фразы с одинаковым звуковым составом (омонимы), но различным центром интонационной конструкции. Во-первых, благодаря агглютинативному характеру тюркского слова сравнивается одна словоформа, имеющая несколько аффиксов; любой может стать центром интонационной конструкции в зависимости от логического выделения либо множественности, либо принадлежности, либо каждого падежного окончания и т.д. Во-вторых, сравниваются омонимичные слова-фразы, входящие в различные коммуникативные типы предложения: повествовательное, вопросительное, восклицательное, побудительное.

Нередко встречается и акустическая выделенность того или иного слога слова, но не в собственной фонетической структуре слова (не является его неотъемлемой акустической характеристикой); это выделенность слова-синтагмы, и тут никак нельзя назвать ее словесным ударением. Выделение определенного слога в слове подсказывается не его семантикой или фонетической структурой, а смыслом контекста, следовательно, относится к просодике текста. При другой смысловой организации тюркского контекста не только этот слог может потерять акустическую выделенность, но и то слово, куда входит выделенный слог, а выделенным может оказаться другой слог и другое слово в иной позиции в тексте.

Таким образом, анализ результатов самых различных исследований показывает, что следует говорить не о словесном ударении в тюркских языках, а о фразовой, ритмико-синтагматической, логико-экспрессивной выделенности того или иного слога слова, что вовсе не одно и то же.

Б.Калиев рассматривает проблему словесного ударения в тюркских языках как одну из причин, приводящих гласные к редукции⁴⁵. По его мнению, в казахском языке редуцированные гласные качественно не отличаются от соответствующих гласных ударных слогов. Однако обнаруживается количественная редукция узких гласных, причиной которой, как он считает, является само качество гласного, влияние окружающих согласных, тип слога, их позиция в слове, количество слогов в слове, темп речи и т.д. Словом, фонетических факторов, приводящих узкие гласные к количественной редукции, немало. Влияние каждого из этих факторов изучено экспериментально-фонетическим путем, составлены таблицы и графики, наглядно показывающие различную степень и возможные направления модификации фонем. При этом Б.Калиев подчеркивает большое значение позиционно-ассимилятивных факторов на редукцию гласных, что, на наш взгляд, заслуживает внимания в отличие от всеобщей абсолютизации словесного ударения в фонетической организации тюркского слова в ущерб сингармонизму. Игнорируя свои же экспериментально-фонетические выводы о непосредственной связи редукции узких гласных с позиционными и ассимилятивными звуковыми причинами, ученый ищет главную причину редукции, по аналогии с индоевропейскими языками, в словесном ударении. Он так и пишет, что первым и главным условием редукции узких гласных является их безударное положение. Остальные обнаруженные им 12 причин позиционно-ассимилятивного характера, с которым действительно непосредственно связана их модификация, почему-то отодвигаются на второй план и считаются второстепенными.

В вопросе о словесном ударении Б.Калиев, как нам кажется, не смог преодолеть влияния традиционного взгляда на фонетическую структуру тюркского слова как имеющую ярко выраженное словесное ударение на конечном слоге. Этому способствовали, вероятно, показания экспериментального анализа, где гласный сегмент конечного слога действительно имеет большую длительность и интенсивность по сравнению с н. онечными слогами. А такое распределение длительности и интенсивности — в первую очередь результат места слова в синтагме, определенным образом интонационно оформленной; когда гласный несет в себе часть интонации данной единицы. Это верно и в случае изолированно произнесенных слов (у Б.Калиева экспери-

⁴⁵См.: Калиев Б. Қазақ тіліндегі... 60-72 б.

ментальный материал составлен из изолированных слов), которые дикторы обязательно будут читать перечислительной или назывной интонацией, что в конечном счете то же, что слово-синтагма. Как известно, перечислительная и назывная интонации способствуют тому, что в тюркских языках произношение гласного сегмента конечного слога отличается особой длительностью и интенсивностью. Большая акустическая определенность конечного слога в изолированных словах-синтагмах и создает эффект его выделенности на перцептивном уровне. Это, видимо, и явилось причиной того, что автор интонационную выделенность конечного слога принял за словесное ударение.

Б.Калиев говорит и о так называемой "полной редукции", т.е. выпадении узких гласных в составе ряда казахских слов общетюркского происхождения. Он прав, когда придерживается мнения об историческом характере данного явления, ибо для настоящего состояния развития казахского языка выпадение узких гласных — это лишь их чередование с нулем. Однако полное их выпадение опять связывается со словесным ударением — традиционной теорией о его передвижении с начального на конечный слог.

Эта теория имеет своих приверженцев и среди современных исследователей. Например, Т.Т.Талипов пытается с ее помощью объяснить ряд фонетических явлений в современном уйгурском языке⁴⁶. Он предполагает зависимость степени открытости-закрытости артикуляции однородных гласных от силы как основного, так и второстепенного ударений и связывает это с историей развития языка, когда силовое словесное ударение падало на первый слог слова и однородные гласные на первых слогах имели менее напряженный и более закрытый характер произношения. С репрессацией древнетюркского ударения соотношение гласных становится обратным по степени открытости и напряжения. Этим Т.Т.Талипов объясняет причину перебора широких гласных в афлаутной позиции общетюркских корней и основ. В целом же, по мнению ученого, передвижение ударения с начальной позиции многосложного слова на последующий слог значительно видоизменило вокализм и консонантизм не только в противоположных полюсах слова, но и весь звуковой состав в целом. Наблюдается его стремле-

⁴⁶См.: Талипов Т. Историческое развитие ... С. 23.

ние объяснить почти все фонетические изменения как в области вокализма, так и в области консонантизма исключительно влиянием словесного ударения, его передвижения.

Данную теорию развивал и М.А.Черкасский⁴⁷. По его мнению, лишь в результате ослабления гармонии гласных стала возможной реализация этих фонетических явлений.

Одним из фонетистов-казаховедов, занимающихся изучением словесного ударения путем экспериментально-фонетического анализа, посвятившего ему много времени и труда, является С.Татубаев, который считает словесное ударение обязательным элементом любого языка⁴⁸. Это противоречит нашей точке зрения на словесное ударение как на типологический просодический признак слова, характерный для ограниченной группы языков. Мы также не можем считать оптимальным предложенный метод получения экспериментальных данных: из интонограмм 48 слов, прочитанных диктором Казахского радио и телевидения с назывной интонацией (со словом "мынау" - это), были рассмотрены пять возможных случаев сочетания двух двусложных слов при наличии постоянного компонента "мынау". Данный экспериментально-фонетический материал это короткие фразы в два слова, которые по своей синтаксической структуре относятся к утвердительно-повествовательному коммуникативному типу предложения. Эти фразы больше изолированных слов и никак не могут быть прочтены с назывной интонацией. Более того, фразы этой структуры имеют семантический оттенок категоричности, и возможны два варианта их чтения: мынау ата - это дедушка (а не кто-то другой), мынау ата - этот дедушка (а не тот).

Как при интонационном выделении последнего компонента фразы, так и при интонационном выделении первого компонента фразы результаты количественного анализа не могут быть интерпретированы как акустический коррелят словесного ударения, ибо полученные данные будут соответствовать общей мелодике фразы в целом. В первом случае интонационная конструкция имеет интонационный центр на последнем слове: мынау ата, и во втором случае - на первом слове: мынау ата.

Правда, в более поздней работе С.Татубаев пишет, что слова были изолированные и произносились с назывной интонацией⁴⁹.

⁴⁷См.: Черкасский М.А. Тюркский вокализм... С. 37, 38.

⁴⁸См.: Татубаев С.С. Об ударении в двусложных словах казахского языка // Советская тюркология. 1973. № 3. С. 81.

⁴⁹См.: Татубаев С.С. Лингвистические основы создания целостной системы вокально-сценического произведения: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1986.

Думаем, это не меняет сути. Назывная интонация, возможно, приемлема, когда уже бесспорно само существование словесного ударения и известно его точное место в слове (как, например, в русском языке), тогда целью экспериментально-фонетического анализа остается определение его природы. Но когда нет уверенности в наличии, неизвестно ни место, ни природа (по крайней мере, они сомнительны и спорны) словесного ударения в тюркских языках, заимствование методики из индоевропейского языкознания, принятой, в частности, С. Татубаевым, может привести только к неверному результату.

Вообще, попытка определения наличия или отсутствия ударения, а также его места путем методов экспериментальной фонетики обречена на неудачу, и без привлечения фонологических фактов, как говорит сам С. Татубаев, эксперимент не может быть полноценным.

Приведем примеры из казахской художественной литературы, свидетельствующие о том, что составленные искусственно короткие (двухкомпонентные) фразы на самом деле являются составными элементами более сложной и крупной синтаксической единицы, часть мелодического рисунка которой несут эти фразы.

Таким образом, указательное местоимение "мынау" [мынау] (этот), как и все остальные местоимения этой группы, выражают оттенки пространственных признаков, когда говорится о близком объекте, в противоположность местоимению "анау" [анау] (тот), который указывает на отдаленный предмет. Например: "...сылау үйден мынау үйге кезекпен кезік жүгірді Берді" (С. Торайғыров) (все бегал между тем и этим домом); "Мәңгі қыркыны не деп атауды, ақа төбені не деп атауды" (Ғ. Мусрепов) (Как называют эту возвышенность, как называют тот холм). Логическая выделенность слов здесь ошибочно воспринимается как словесное ударение.

Изучая связь длительности казахских гласных со словесным ударением, М. Раймбекова получила противоположные выводам С. Татубаева результаты: Ударный гласный, по ее утверждению, не всегда длительное безударного, следовательно, в казахском языке количественный компонент не может быть главенствующим в выделении словесного ударения⁵⁰. В последние годы появились новые экспериментально-фонетические работы, результаты которых в корне не согласуются с прежними представлениями о природе словесного ударения. Теперь

⁵⁰См.: Раймбекова М.А. Длительность гласных в казахском языке: (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. С. 18.

акустической основой реализации словесного ударения считается тон. Несовпадение взглядов — явление не единичное, проистывающее из туркскую фонетику от элементарных сегментов до сложных просодических единиц.

Появление новых фонетических идей в тюркологии нельзя считать случайным, поскольку оно обусловлено новыми теоретическими исканиями и широким применением методов экспериментальной фонетики. Эти идеи породят немало новых решений, ибо многие теоретические выводы и практические результаты не находят фактического подтверждения. Таким образом, перед фонетистами-тюркологами стоит нелегкая задача отличить истинное от мнимого в современной тюркской фонетической науке, а также заполнить ее пробелы.

А. Моллаев правильно отмечает некачественность отбора экспериментально-фонетического материала — основы всякого инструментального исследования (на примере современного туркменского языка): при сопоставлении физических величин ударных и безударных единиц на основе неоднородных по качеству и количеству гласных звуков делались выводы о фонетических признаках ударности — безударности и не сохранялась строгая ритмичность исследуемых слогов в слове.⁵¹ Он точно указывает причины, которые привели к ложным представлениям об акцентной структуре тюркского слова: Естественно, при неоднородной фонетической структуре слова количественные характеристики его компонентов также будут различными. Отсюда и неверная лингвистическая интерпретация полученных экспериментальных данных. Действительно, как показывает практика экспериментально-фонетических исследований других тюркских языков, в частности казахского, нередко встречаются случаи, когда слог, содержащий широкий гласный, считается ударным по той простой причине, что широкие гласные более интенсивны и длительны. Данный недостаток в интерпретации фонетического материала часто обнаруживаем и в традиционной описательной тюркологической науке. Например, К. Нильсен, исследуя двусложные турецкие слова, приходит к выводу о зависимости места ударения от качества гласных: если в первом слоге — узкие гласные, то ударение на втором слоге; если широкие — на первом.⁵² Как видим, ударение неизменно переносится туда, где широкие гласные. Это результат субъективного восприятия гласных различного качества, который послужил

⁵¹ Моллаев А. Акустическая характеристика ударных и безударных гласных в двусложных словах туркменского языка. Ашхабад, 1980. С. 13.

⁵² Цит. по: Щербак А. М. Сравнительная фонетика. С. III.

одной из причин утверждения наличия словесного ударения в тюркских языках. Он указывает, что на модификацию гласных могут повлиять тип слога, качество самого гласного, его позиция в слове, лексическая значимость слога, в котором находится интересующий исследователя гласный, и ряд других факторов.

А. Моллаев в долготном и силовом компонентах вокального сегмента не находит непосредственной связи с ударением. По его мнению, в акцентной структуре туркменского слова ведущим является тоновой компонент. Такой вывод, где выделяется единственный тоновой компонент, встречается, насколько нам известно, впервые.

При определении места словесного ударения в туркменском языке Дж. Гокленов придерживается общепринятой точки зрения. Тем не менее он ссылается на результаты исследования А. Моллаева, который установил более 40 исключений из этого правила. Дж. Гокленов обнаруживает любопытную закономерность позиционного распределения длительности между широкими и узкими гласными, которая будет важна в плане решения проблемы словесного ударения в тюркологии. Как известно, в настоящее время в тюркологии твердо утвердилось мнение о том, что при прочих равных фонетических условиях широкие гласные неизменно превосходят по длительности узкие. Правило это, как нам кажется, пока никем не оспаривается. Тем не менее полученные данные анализа длительности широких и узких гласных в одинаковых типах слогов (открытие — СГ) показывают, что в неконечных открытых слогах эта закономерность обычно сохраняется, тогда как в конечном открытом слоге их соотношение резко меняется и длительность узких гласных несколько превосходит длительность широких гласных. Казалось бы, еще одно верное доказательство наличия словесного ударения и его влияния на модификацию гласных. Однако он при внимательном рассмотрении обнаруживает, что большая длительность узких гласных в слоге СГ по сравнению с широкими в конце слова вовсе не является результатом влияния ударения, а краткие узкие гласные в конце слова с открытыми слогами имеют дифтонгоидный характер, в результате чего и являются более длительными, чем в остальных случаях⁵³.

Надо полагать, что при правильной интерпретации результатов инструментального анализа можно было бы найти и другие причины

⁵³См.: Гокленов Дж. Безударные гласные в многосложных словах туркменского языка: (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1984. С. 33.

модификации ритмической структуры тюркского слова, а не приписывать их только словесному ударению. В этом, на наш взгляд, заключается положительный пример Дж.Гокленова.

Анализ силового компонента гласных в составе многосложных слов показал, что причины, вызывающие его модификацию, также различны и во многом аналогичны причинам, вызывающим долготные колебания гласных: типу слога, консонантному окружению, позиции и количеству слогов в слове и т.д. По данным Дж.Гокленова, ударный гласный не всегда интенсивный и, наоборот, безударный гласный не всегда слабо интенсивный, что совсем не согласуется с ведущим тезисом о динамическом характере словесного ударения в тюркских языках. Он также считает тон ведущим компонентом ударения.

Насколько остро стоит вопрос о словесном ударении в тюркских языках, можно судить по крайне противоположным взглядам С.Куренова, который считает длительность ведущим компонентом ударения, и его учеников А.Моллаева и Дж.Гокленова.

Мнение о спектральной (качественной) определенности тюркских гласных в структуре слова встречалось и раньше. Оно подтверждается и Дж.Гокленовым. Гласные туркменского языка, по его мнению, в безударных позициях имеют ясный стационарный участок, т.е. характерные форманты выделяются четко. Раз так, то это свидетельствует о достаточно напряженной артикуляции так называемых безударных гласных, которой обеспечивается их полная качественная определенность.

Интерес вызывает им же замеченный немаловажный момент. У гласных обнаруживается некоторая склонность к модификации в горизонтальном направлении движения языка, тогда как в вертикальном направлении она отсутствует. Это сильно контрастирует с теми языками, в которых имеется фонематическое, ярко выраженное фонетически ударение, модифицирующее гласные именно в вертикальном направлении. Не является ли это тем типологическим признаком, который отличает тюркские языки от индоевропейских на уровне просодики слова? Тем более еще никем и ни в каком тюркском языке не обнаружено (экспериментально-фонетическим путем) качественной модификации гласных, вызванной словесным ударением, как, например, в индоевропейских языках.

Практически все исследователи-экспериментаторы, отмечая в своих работах около десятка позиционно-комбинаторных причин модификации гласных, что само по себе весьма важно и достаточно для описания фонетической структуры тюркского слова, в конечном счете непременно сводят все это к словесному ударению. О том, что при чтении не учитывается интонация слов-синтагм, говорилось не раз.

В своем историко-типологическом исследовании, посвященном анализу древнетюркской акцентуации и ее связи с некоторыми вопросами развития фонологических систем в тюркских языках, А.М.Мамедов говорит об ударении как символе раздельности и единства слова, распределении отдельных компонентов ударения по элементам и частям словесной структуры. Каждое изменение ударения неизбежно отражается на фонетическом облике слова, а изменения внутри самого слова немедленно будут перекодироваться в изменения его акцентной структуры. Поэтому тюркскую акцентуацию необходимо рассматривать в тесном контакте с фономорфологической структурой агглютинативного слова и его модификациями⁵⁴. В целом ряд фонетических изменений в структуре слова он связывает с влиянием словесного ударения.

Вывод Э.Ф.Ишбердина для нас важен тем, что он не считает башкирское ударение строго фиксированным – по его мнению, оно служит в основном для выражения эмоциональности или модальности⁵⁵. Следовательно, фонетическая единица, выражающая эмоциональный и модальный смысл речи, не может квалифицироваться, по нашему убеждению, как словесный акцент.

Отмечая различные правила акцентуации в чувашских говорах, В.И.Котлеев обращает внимание на неисследованность акустической характеристики чувашского словесного ударения. По его данным, ударные гласные действительно нередко бывают интенсивнее безударных, хотя, случается, и безударные оказываются более интенсивными⁵⁶. Что касается результатов спектрального анализа, то им

⁵⁴ См.: Мамедов А.М. Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков // Советская тюркология. 1970. № 5. С. 62.

⁵⁵ См.: Ишбердин Э.Ф. Ударение и система гласных башкирского языка // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 55-58.

⁵⁶ См.: Котлеев В.И. Акустические признаки чувашского словесного ударения // Советская тюркология. 1981. № 4. С. 59.

не обнаружено качественных сдвигов в гласном сегменте слога в зависимости от ударности (безударности), что подтверждает преобладающее и распространенное в тюркологии мнение о независимости качественной характеристики гласных от акцентной структуры слова. Он отмечает, что для чувашского словесного ударения интенсивность имеет такое же существенное значение, как длительность, а тон не может быть признаком ударности. Таким образом, это сторонник динамико-квантативного ударения в тюркских языках.

Однако с его методом определения ударного слога мы не согласны. Он пишет о проведенном фонетическом опыте с дикторами, которые сначала читали текст с обычной акцентуацией, затем с более четким акцентированием ударных слогов (без искусственного "усиления звуков", "увеличения длительности" и т.п.); говорит об обычном произношении, без подчеркнутой акцентуации⁵⁷. Надо полагать, есть еще и "необычная акцентуация" и "необычное произношение", где фонетические характеристики ударного гласного будут "необычными".

Можно догадаться, что обычное произношение, по В.И.Котлееву, это повествовательный коммуникативный тип слов-фраз, которые произносятся с нейтральной интонацией в отличие от остальных коммуникативных типов (вопрос, восклицание, побуждение и др.) предложений и их логико-эмоциональных оттенков, реализуемых в виде различных длготно-динамико-тональных модификаций гласных. Но, хотя экспериментально-фонетический материал составлен В.И.Котлеевым в виде списка отдельных слов, их надо рассматривать как составную часть более сложного текста, который оформлен соответствующей интонацией, коммуникативного и логико-эмоционального характера. Примечателен вывод автора: в "обычном" произнесении фонетические характеристики ударных и безударных гласных стираются и не всегда возможно найти какие-либо закономерности в реализации между ударными и безударными гласными. А это, на наш взгляд, говорит о том, что более четкое акцентированное чтение, которое он предлагает дикторам, есть реализация логико-эмоциональных и других коммуникативных типов предложений (слов-фраз). Следовательно, выделение таким путем одного из слогов не является функцией словесного ударения, а

⁵⁷ См.: Котлеев В.И. Акустические признаки... С. 62.

представляет собой функцию явления более высокого уровня, чем слово. Тем более он говорит о некоторой неясности в распределении ударных и безударных слогов в потоке связанной речи, где не все слова имеют собственное ударение. Очевидно, нельзя называть словесным такое ударение, которое не может выделяться в "обычном" произнесении фонетически, а также если в связанной речи оно присуще не каждому слову. Если учесть, что в акцентных (индоевропейских) языках словесное ударение является неотъемлемой характеристикой каждого слова как в "обычном", так и в "необычном" произнесении, как изолированно, так и в потоке речи, словесное ударение в тюркских языках должно быть интерпретировано как явление другого порядка.

Несмотря на то что А.Махаматов не отрицает наличия словесного ударения в тюркских языках, в его интересном анализе различных мнений о функциях словесного ударения находим доказательства неприемлемости некоторых классических правил установления места словесного ударения и определения его функций. Вслед за А.Рустамовым⁵⁸ А.Махаматов связывает возникновение понятия так называемых безударных аффиксов со смешением графико-орфографических признаков с фонетическими особенностями современных тюркских языков. В последних имеются служебные слова — омографы соответствующих аффиксов. Например, в узбекском языке имеется и связка (считающаяся аффиксом сказуемости только потому, что она пишется слитно), и посессивный аффикс -миз. Согласно узбекской орфографии, "укитивчимиз" (мы преподаватели) и "укитивчимиз" (наш преподаватель) пишутся одинаково "укитивчимиз", хотя это различные по существу языковые элементы (аффикс и служебное слово). Подобная недифференцированность написания фонетически и грамматически различных элементов (в случае служебного слова — без ударения, а в случае аффикса — с ударением) послужили основой для утверждения, что тюркское ударение помогает их различию, выполняя дифференцирующую функцию⁵⁹.

⁵⁸См.: Рустамов А. Фонетические признаки грамматикализации и аффигования слов в тюркских языках // Всесоюз. тюркологическая конф. 27-29 сентября 1976. Алма-Ата, 1976. С. 330-331; Рустамов А. Фонетико-морфологические особенности языка Навои: Автореф. дис... докт. филол. наук. Ташкент, 1966. С.4.

⁵⁹См.: Махаматов А. К вопросу о функциях тюркского ударения // Советская тюркология. 1984. №2. С.65.

Действительно, если отказаться от ложного представления о безударных аффиксах, то аналогичные примеры не могут служить доказательством наличия словесного ударения в тюркских языках и его дифференцирующей функции.

А.Махаматов говорит, что лингвисты, видящие в словах "янги" — "янги" проявление смыслоразличительной функции ударения в узбекском языке, идентифицируют по семантике "янги" с ударением на последнем слоге с русским "новый", а "янги" с ударением на первом слоге с русским "только что". В действительности же здесь происходит эмфатическое перемещение ударения, ибо слово "янги" и со значением "только что" в контексте фразы может иметь ударение как на первом, так и на последнем слоге. Для сообщения о приходе в данный момент (сейчас) можно использовать оба варианта "янги": "мен янги келдим" и "мен янги келдим". В первом случае оно будет означать "только что" (я только что пришел), а во втором — "вот только что" (я вот только что пришел). Следовательно, в данном случае ударение перемещается на первый слог слова в качестве логического ударения фразы⁶⁰.

Это иллюстрация того, как вырванные из контекста слова-фразы (с сохранением их фразовой интонации) преподносятся в качестве доказательства наличия словесного ударения и его смысло-различительной функции. Прав А.Махаматов, когда заключает, что эмфатическая функция депласации тюркского ударения принимается за ее словоразличительную функцию в результате неправомерного смещения ударения в отдельном слове с логическим ударением слова во фразе.

К сожалению, его убежденность в наличии словесного ударения в тюркских языках помешала ему прийти к правильному выводу. Верно замечая неумение исследователей различить фразовое и словесное ударение, он сам не видит различия между интонациями таких коммуникативных типов предложений, как повествовательное и повелительное. Для примера смыслоразличительной функции ударения он приводит слова "алма" (яблоко) и "алма" (не бери), хотя они являются различными коммуникативными типами слов-предложений, и их сравнение на уровне слова неправомерно.

⁶⁰См.: Махаматов А. К вопросу ... С.65—66.

Но А.Махаматов вслед за А.Рустамовым делает определенный положительный шаг в установлении причин появления так называемого тюркского словесного ударения.

Поскольку обучение ударению предусмотрено школьной программой и ему уделяются специальные разделы в учебниках и учебно-методических пособиях по казахскому языку, оно приводит к закреплению в сознании учеников чужой для их языковой интуиции речевой единицы. Нелегко дается такое обучение и учителю. Например, К.Турганов приводит следующие предложения: "Олардың аулы колхоз орталығынан алыс па? Сен көрінгенмен алыспа. Мынау кешегі Нұрлан алып келген ат па? Қоя тұр, атпа жақындай түсейік", из которых на словах-омофонах "алыс па?" (далеко ли?) и "алыс па!" (не балуйся), "ат па?" (конь ли?) и "атпа!" (не стреляй!) учитель должен объяснить ученикам место словесного ударения⁶¹. Это как раз тот единственный случай, когда для доказательства словесного ударения и определения его места приводятся не слова-фразы, а весь текст (предложения) целиком. Нетрудно показать, каким образом специфические интонации различных коммуникативных типов предложения определяются как реализация словесного ударения. Добавим, что логико-эмоциональное выделение любого другого слова из данного текста автоматически лишает интересующие автора слова словесного ударения.

Ученики вынуждены запоминать произношение данных слов так, как их дает учитель, что пережило не одно поколение учеников. Нет правил, которые подсказывали бы место словесного ударения в казахской речи, поскольку в казахском языке, по словам Г.С.Капенова, ударение характеризуется слабой интенсивностью и произношение определенного слова с нарушением обычного для него ударения воспринимается почти как норма⁶². Происходит "не нарушение обычного ударения", а слово теряет свою синтагматическую, логическую, эмоциональную и другую выделенность, что вовсе не связано со словесным ударением.

⁶¹См.: Турганов Қ. Мектепте фонетиканы оқыту. Алматы, 1975. 57-58 б.

⁶²См.: Капенов Г.С. Система изучения фонетики русского языка в казахской школе. Алма-Ата, 1975. С.33.

Еще более определенно высказывается Л.К.Герасимович, основываясь на экспериментально-фонетическом и перцептивном анализе ударения в монгольском языке. По ее данным, мнения о наиболее сильном первом слоге в слове не подтверждаются: большой силой может выделяться любой слог, особенно с долгим дифтонгом; отсутствует последовательность в определении ударного слога по длительности, закономерность в движении тона гласных монгольского слова – очевидно, нет и явной связи между тоном и ударением и качественных различий между монгольскими гласными в разных позициях и т.д.⁶³ Таким образом, в языке с отсутствующим ударением не может быть ни "сильной", ни "слабой" тонической или силлабо-тонической системы, поскольку отсутствует основной ритмический определитель – фонологическое ударение.

Значение такого вывода немаловажно: ситуация с проблемой ударения в монгольских языках та же, что и в тюркских. Разница лишь в преобладании мнения о существовании в монгольском языке экспираторного ударения, фиксированного на начальном слоге. Однако вопрос о характере монгольского ударения до сих пор окончательно не решен. В этом нас убеждает подробный анализ существующих взглядов.

На наш взгляд, наиболее близким к истине является нетрадиционный и экспериментально подтвержденный вывод Л.К.Герасимович об отсутствии в монгольском языке сильного динамического ударения, постоянно падающего на первый слог, ударения, последовательно выделяющего в слове один определенный слог и отчетливо воспринимаемого самими носителями языка.

В.Д.Аракин считает, что в современных тюркских языках представлены различные типы ударения: 1) силовое (экспираторное или динамическое) – выделение одного из слогов происходит с помощью силы воздуха, 2) музыкальное (мелодическое или тоническое) – слог выделяется с помощью движения голосового тона, 3) количественное (квантитативное) – слог может быть выделен по долготе краткости звука⁶⁴.

По его мнению, основные функции ударения – выделительная и дифференциальная (различительная), имеется также и смысло-

⁶³ См.: Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Л., 1975. 127с.

⁶⁴ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика: М., 1984: С.403.

различительная (в грамматическом и в лексикологическом отношении). Таким образом, он обобщает различные взгляды на функции тюркского ударения.

В.Д.Аракин объясняет причины передвижения силового ударения с первого слога на последний связью с процессом становления агглютинативного строя общетюркского праязыка (прежде всего с превращением самостоятельных односложных слов в аффиксальные морфемы, передавшие различные отношения между словами в предложении). Он предполагает, что присоединение этих морфем с различной семантикой к одному и тому же слову-основе требовало их более четкого произношения по сравнению с корневой морфемой — этого требовало общение в условиях кочевого быта и больших степных расстояний. Необходимость выделять падежные морфемы практически приводила к более интенсивному мускульному напряжению органов речи, а это — к появлению силового ударения на аффиксальных морфемах, которые в данных условиях как бы перетягивали на себя словое ударение.

Мы не можем разделить эту точку зрения. Бряд ли быт с ограниченным общением способствовал передвижению ударения, сделав его "кочевым", а преимущественное выделение падежных морфем без внимания к основе — общению между людьми. И, наконец, чтобы ударение было силовым, не обязательно интенсивное мускульное напряжение.

Как видим, желание доказать наличие несуществующего в языке ударения и его несуществовавшее передвижение приводит к крайностям во мнениях.

Полемизируя с нами, А.А.Ковшова заключает, что слоговой характер тюркского слова, а также возможные случаи постановки ударения на предыдущем слоге позволяют усомниться в правильности полного отрицания наличия ударения в тюркском слове на основании функциональной идентичности сингармонизма и словесного ударения⁶⁵. Приводимые ею для доказательства наличия словесного ударения примеры являются словами-фразами, и в зависимости от логико-эмоциональной интонационной оформленности текста-речи их можно произнести с выделением любого из трех слогов при одном и том же его смысле.

⁶⁵См.: Сравнительно-историческая грамматика... С.439.

Вопрос о просодике тюркского, в том числе казахского, слова давно привлекает внимание ученых, но до сих пор остается нерешенным. При этом почти все исследования посвящены только словесному ударению, и всего несколько публикаций относятся к сингармонизму. И это, видимо, не случайно. Среди исследователей-фонетистов преобладает мнение о важности фонетической и функциональной значимости словесного ударения в отличие от сингармонизма.

Сильная позиция начального слога и наличие еще одной сильной позиции в противоположном конце слова не укладывалось в привычные понятия общей лингвистики (фонетики): Обнаружение множества явлений тюркского вокализма, резко противоречащих общим закономерностям индоевропейских (со словесным ударением) языков, привело к компромиссному решению вопроса, названного М.А.Черкасским "тюркским фонетическим парадоксом"⁶⁶. Таким образом, признается наличие двух противоположных сильных позиций в структуре тюркского слова.

Парадокса можно было избежать при условии научного обоснования просодического признака тюркского слова и его изучения без включения нехарактерной акцентной просодики:

Мы уже говорили, что мнение о наличии словесного ударения в тюркских языках порождено недостаточной разработанностью мелодической структуры тюркской речи (в большинстве случаев разные синтаксические мелодики и логическая выделенность того или иного слова в тексте объединяются словесным ударением)⁶⁷. Наши сомнения относительно возможно неточной интерпретации различной интонационной выделенности слов как словесного ударения оказались не случайными.

Н.А.Баскаков подробно и обстоятельно описывает основные случаи фразовой, логической и эмоционально-экспрессивной выделенности слова в тюркском тексте на материале каракалпакского языка, родственного казахскому. Поэтому выводы ученого непосредственно относятся и к интонационной структуре казахского языка. Он проанализировал и описал те структуры синтаксических единиц, которые во всей тюркологической просодической литературе квалифицируются

⁶⁶Черкасский М.А. Тюркский вокализм... С. 36.

⁶⁷См.: Джунисбеков А. Есть ли словесное ударение в казахском языке? // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 105.

как реализация словесного ударения, хотя сам автор не говорит об этом. Наименее изученной в тюркской фонетике Н.А.Баскаков считает как раз область интонации и фразового ударения⁶⁸. Он указывает на возможность выражения высказывания или фразы одним словом, что естественно для любого языка, в том числе и тюркского. Первопричиной всех заблуждений относительно словесного ударения в тюркских языках является именно возможность образования однословной фразы (со своей автономной синтаксической интонацией), которая лишь формально совпадает с изолированным словом. И эти однословные фразы, как и синтаксически более сложные, могут обладать практически всеми возможными интонационными оттенками.

А.Н.Кононов указывает на логическое ударение как на особый тип ударения, с помощью которого в предложении выделяется слово, важное с логической, смысловой стороны. С его помощью одна и та же фраза может приобрести различные смысловые оттенки⁶⁹. И назначение фразового ударения он видит в сообщении данному предложению определенного оттенка⁷⁰. С.К.Кенесбаев также говорит об "одном любопытном явлении", известном в ряде тюркских языков: императивная форма глагола, которая совпадает с корнем (основой) глагола, при малейшей экспрессивности ее произношения подвергается депласации (переносу) ударения с последнего слога на предшествующий⁷¹. Хотя экспрессивная выделенность не является словесным ударением, автор считает данное явление "переносом ударения".

Таким образом, причины, выделяющие то или другое слово из общего контекста как интонационного центра в зависимости от речевой ситуации, практически бесконечны. И не случайно, видимо,

⁶⁸См.: Баскаков Н.А. Об интонации и фразовом ударении в тюркских языках // Советская тюркология. 1984. № 1. С. 3-14.

⁶⁹См.: Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 58.

⁷⁰См.: Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского... С. 52.

⁷¹См.: Современный казахский... С. 79.

исключения из правил определения места словесного ударения в турецких словах (когда словесное ударение не падает на привычный последний слог) довольно многочисленны. Туркменский фонетист А. Моллаев отмечает более сорока исключений.

Если учесть, что каждая морфема (корневая и аффиксальная) в структуре турецкого слова одинаково строго функционально нагружена, а турецкое слово, как правило, многоаффиксальное, то его возможности в плане семантики многообразны. В результате в тексте в зависимости от речевой ситуации и типа коммуникативного предложения (сообщения) одна из морфем оказывается фонетически выделенной. Поскольку слово изолировано формально (находится вне текста), каждый исследователь волен трактовать его смысл как слово-предложение, вкладывать свое понимание речевой ситуации путем выделения нужного ему аффикса. Например, слово "галыммын" в зависимости от речевой ситуации можно произносить двойко — выделяя последний слог корня или аффикс. При этом в каждом случае их логический смысл различен: в первом будет иметь значение именно ученый, а не кто-то другой; во втором случае — именно я, а не другой. Таким образом, вряд ли в русском языке (здесь и в дальнейшем следует обратить внимание на русские переводы) логическую модификацию смысла путем перестановки логического ударения (я учёный — я учений) можно назвать функцией словесного ударения.

То, что в русском языке передается отдельным словом, в агглютинативных языках — с помощью аффиксов. И приведенные в сравнении примеры показывают, что выделенность того или иного слога в турецких словах результат более высокого уровня, чем словесное ударение, единицы языка (интонации).

Нетипичность словесного ударения для турецких языков косвенно признается всеми без исключения исследователями. Примечательно то, что сторонники словесного ударения в турецких языках, как правило, свои же выводы сопровождают красноречивыми оговорками, которые свидетельствуют о их шаткости. Нередко отрицается то, что до этого утверждалось. Это также подтверждают исключения из правил об ударении: в подавляющем большинстве турецких слов оно падает на последний слог слова. Но раз-

нообразные типы чтения (толкования) в пределах интуитивно воспринимаемой интонационной нормы тюркского изолированного слова (слова-фразы) достаточно многочисленны:

1) количественные числительные в одном языке определяются с ударением на первом слоге, в другом — на втором: казахское "қырық" (сорок) с ударением на последнем слоге⁷² и каракалпакское "қырық" — на первом⁷³, казахское "жиырма" (двадцать)⁷⁴, карачаево-балкарское "джийрма" — на последнем⁷⁵, каракалпакское "джигирме"⁷⁶ и узбекское "йигирма"⁷⁷ — на первом;

2) в так называемых тюркских парных словах, несмотря на их структурную общность, различно определяются ударные слоги: казахское "бала-шаға" (домочадцы) с одним ударением на последнем слоге второго компонента⁷⁸, киргизское "ата-эне" (отец-мать в значении "родители") — на последнем слоге каждого компонента⁷⁹, узбекское "кишин-езин" (зимой и летом в значении "все время, постоянно") — на первом слоге каждого компонента⁸⁰;

3) аффикс отрицания глагола -ма и его варианты определяются то как ударные, то как безударные: казахское "алма" (не бери)⁸¹, каракалпакское "джазба" (не пиши)⁸² с ударением на первом слоге, кумыкское "язма" (не пиши)⁸³ и киргизское "окуба" (не читай)⁸⁴ с ударением на аффикс отрицания;

⁷²См.: Современный казахский... С. 81.

⁷³См.: Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. С. 110.

⁷⁴См.: Современный казахский... С. 81.

⁷⁵См.: Хабичев М.А. Карачаево-балкарский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 215.

⁷⁶См.: Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. С. 110.

⁷⁷См.: Кононов А.Н. Современный литературный узбекский... С. 54.

⁷⁸См.: Современный казахский... С. 88.

⁷⁹См.: Днусалиев Б.М. Киргизский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 486.

⁸⁰См.: Кононов А.Н. Современный литературный узбекский... С. 54.

⁸¹См.: Сопоставительная грамматика русского и казахского языков / Турсунов Д., Хасанов Б., Ислямов А. и др. Алма-Ата, 1967. С. 42.

⁸²См.: Баскаков Н.А. Каракалпакский язык... С. 113.

⁸³См.: Магомедов А.Г. Кумыкский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 197.

⁸⁴См.: Днусалиев Б.М. Киргизский язык. С. 486.

4) падежные (например исходного падежа) аффиксы также определяются то ударными, то безударными: киргизское "балада́н" (от ребенка)⁸⁵ с ударением на последнем слоге и тувинское "да́гдан" (с горы)⁸⁶ - на первом;

5) в одной работе, посвященной одному языку, можно встретить противоречивые правила в определении места ударения. Например, служебное слово "дей́н" в сочетании "қалаға дей́н" не принимает ударения⁸⁷, но в "уйге дей́н" утверждается, что фразовое ударение наблюдается в конечном слоге последнего слова⁸⁸. Данному правилу противоречит и казахское "қалалық совет" (городской совет)⁸⁹ и татарское "матур қатын" (красивая женщина)⁹⁰, где ударение оказалось на первом компоненте сочетания;

6) несмотря на правило, все тюркские знаменательные двусложные слова - корни (без аффиксов) считать с ударением на последнем слоге; иногда в словах с одинаковыми семантико-структурными, логико-эмоциональными и коммуникативными условиями место ударения определяется по-разному: хакасские "кыли́н" (сноха), "оды́н" (дрова)⁹¹ и гагаузские "ба́йрак" (знамя), "ту́рна" (журавль)⁹² на первом слоге, хакасские "хоза́н" (заяц), "аба́" (медведь) и гагаузское "ана́" (мать) - на втором. Правда, В.Г.Карпов объясняет такое распределение ударения в хакасских словах наличием узких гласных во втором и следующих слогах, однако в других тюркских языках (включая казахский) в аналогичных примерах место ударения определяется однозначно на втором слоге;

⁸⁵ См.: Юнусалиев Б.М. Киргизский язык. С. 486.

⁸⁶ См.: Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 388.

⁸⁷ См.: Современный казахский... С. 82.

⁸⁸ Там же. С. 88.

⁸⁹ Там же. С. 84.

⁹⁰ См.: Закиев М.З. Татарский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 179.

⁹¹ См.: Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 431.

⁹² См.: Покровская Л.А. Гагаузский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 116.

7) противоречия существуют в определении места ударения между изолированными словами и словами во фразе: в кумыкском языке, к примеру, в глаголах с отрицательным аффиксом -ма в изолированном произношении место ударения определяется на первом слоге ("áлма" — не бери), а в глаголе с такой же структурой во фразе — на втором ("китапда язма" — не пиши в книге)⁹³.

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают, как смысловая интерпретация текста непосредственно зависит от субъективного восприятия исследователем логико-эмоциональной и коммуникативной реализации каждого предложения (слов - фраз). От логико-эмоционального оттенка или коммуникативного смысла фразы-слова зависит и выделенность слога в слове, что является вполне закономерным для тюркской (и не только) интонационной системы.

Поскольку такая организация речи — сфера действий интонации (единицы просодии предложения), то ее никак нельзя смешивать с уровнем просодии слова — опять-таки со словесным ударением. Более того, не верна сама дифференциация омонимичных пар слов путем распределения ударения с постоянной его фиксацией на определенном слоге: приписывание слову "баламыз" с ударением якобы на втором слоге значения "мы дети" не означает, что это слово с тем же значением нельзя произносить с иной расстановкой ударения, например на последнем слоге. В этом случае оно будет приобретать несколько иной эмоционально-экспрессивный оттенок при том же значении "мы дети". Но такая разноместная выделенность того или иного слога опять же обусловлена контекстом. Если в первом случае с ударением на втором слоге оно имеет оттенок спокойно-логической завершенности слова-фразы, то во втором с ударением на последнем слоге — оттенок эмоционально-категоричный. С таким же распределением "ударения" в зависимости от коммуникативного и эмоционально-экспрессивного оттенков фразы можно произносить другой омоним этой пары слов "баламыз" (наш ребенок).

Таким образом, обе пары омонимов в случае совпадения их коммуникативного типа и эмоционально-экспрессивного оттенка

⁹³ См.: Магомедов А.Г. Кумыкский язык. С. 197.

интонации будут иметь одинаковую просодическую структуру.

Например, в полном фразовом окружении эти слова имеют следующую абсолютно совпадающую интонационную конструкцию:

а) с оттенком спокойно-логической завершенности - *біз баламыз* (мы дети), *біздің баламыз* (наш ребенок); с оттенком эмоционально-категоричным - *біз баламыз* (мы дети), *біздің баламыз* (наш ребенок).

Следует добавить, что коммуникативные типы слов-предложений (слов-фраз) можно свести к ограниченному числу, а их эмоционально-экспрессивные оттенки практически бесконечны. Это создает дополнительные сложности в определении интонационной конструкции предложений, в том числе слов-фраз. С другой стороны, достаточное количество коммуникативных типов предложений и практически бесконечные количества их эмоционально-экспрессивных интонационных оттенков дают беспредельную свободу сторонникам словесного ударения в интерпретации просодики слов на уровне слов-фраз.

Любопытно проанализировать исключения из правил, когда словесное ударение не падает на последний слог. Мы постарались охватить все словообразовательные и словоизменительные типы аффиксов:

- 1) в двусложных словах и многосложных именах ударение падает на последний слог имени - *akórdemek*;
- 2) в сложных глаголах, образованных из сочетания имени, - *etmek* (*aksetmek*);
- 3) в сложных словах, первым компонентом которых являются указательные местоимения - *şüğüñ*;
- 4) частица вопроса - *mi/mi/mü/mü* - *kâsta mi*;
- 5) аффикс - *in* - *yâsin*;
- 6) аффикс деепричастий - *madan/meden* - *yârmadan*;
- 7) личные аффиксы I л. - *doktorum*;
- 8) в зависимости от контекста - *döstüm*;
- 9) морфологическая дифференциация - *balâcasız*;
- 10) синтаксические аффиксы - *жазгъи ма?*;
- 11) аффиксы желательной формы - *жазайын*;
- 12) аффиксы принадлежности - *жазаймын*;
- 13) 2 л. мн. ч. пов. накл. - *yâzin*;
- 14) 2 л. ед. ч. пов. накл. - *yârma*;

- 15) краткая форма послеслога - *türle*;
- 16) частица - *da/de, ta/te - ben de*;
- 17) имя в "звательной" форме - *canim!*;
- 18) наречие - *sonza*;
- 19) аффикс - *gayı/geü - mücaü*;
- 20) пять предикативных аффиксов - *жаз'а'б'и'з*;
- 21) *-и'з'и'з* в повелительной форме - *жаз'и'и'з'и'з*;
- 22) фамилии с окончанием на -ов, -ова - Асанов;
- 23) географические названия - Азия;
- 24) безударный послеслог - *la/le - bağla*;
- 25) повелительная форма наклонения на - *in - kältin*;
- 26) служебные слова, аффиксы сказуемости, глагольного отрицания - *му'з'ли'ли'ди*;
- 27) ряд дву- и трехсложных имен - *ба'й'рак*;
- 28) в сложных словах - *па'и'нана*;
- 29) в словах узким гласным во втором слове - *от'ык*;
- 30) некоторые падежные окончания.

Этот список можно было бы еще продолжить. Лишь добавим, что следует учесть сингармоническую и ассимилятивную обусловленность аффиксов, т.е. если аффикс *-da'je* принимает ударения, то его семантико-структурная общность с другими аффиксами этого типа - *de'j/ta'j/te'j* также определяет безударное произношение последних. Если учесть, что каждый тип таких аффиксов включает в себя от 4 до 12 сингармонических и ассимилятивных вариантов (например *da/de, ta/te, na/ne, du/dü, tu/tü, ni/nü*), то становится понятным, насколько незначительным окажется в тексте количество слов с ударением в конце. А главное правило гласит, что в подавляющем большинстве слов в тюркских языках ударение падает на последний слог.

Таким образом, возможные мнения о словесном ударении сводятся к следующему:

- 1) о реальности: оно есть; его нет (в тюркских языках);
- 2) о природе: динамическое (экспираторное, силовое); музыкальное (тональное); долготное (квантативное, временное); динамико-музыкальное; динамико-долготное; динамико-музыкально-долготное;
- 3) о градации: единственное (главное); главное и второстепенное; главное, второстепенное, третьестепенное и др.;

4) о функции: словоразделительное; смысловоразличительное; словоорганизирующее; смысловоразличительно-словоразделительное; словоразделительно-словоорганизирующее;

5) о просодике турецкого слова: словесное ударение (единственное); словесное ударение и сингармонизм дополняют друг друга, при этом приоритет отдается словесному ударению;

6) о связи с интонацией: словесное ударение в чистом виде; коммуникативно-обусловленное; логико-эмоционально обусловленное;

7) об историческом развитии: первоначально на первом слоге; постоянно на последнем слоге;

8) о месте: на первом слоге; на последнем; разноместное;

9) о правиле: имеется ряд исключений; правило однозначно;

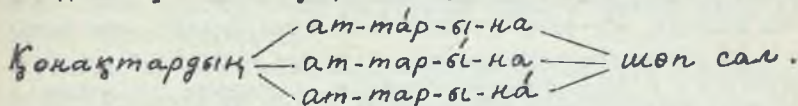
10) о синтаксической обусловленности: постоянно присутствует в изолированном слове; слово во фразе с ударением; слово во фразе без ударения.

Таков "портрет" словесного ударения в турецких языках.

При решении вопросов, связанных с просодикой речи, методика исследования приобретает весьма важное значение. Традиционно в двусложных и многоаффиксальных словах ударный слог определяется по интуиции исследователя.

Каждый агглютинативный сегмент турецкого слова в функциональном (семантическом) плане составляет единицу; равную одному слову во фразе в индоевропейских языках, т.е. хотя турецкое многоаффиксальное слово формально и совпадает с индоевропейским словом, коммуникативно оно заменяет целую индоевропейскую фразу. Теоретически многоаффиксальное слово в своем составе одновременно может иметь аффиксы, например множественности, принадлежности, сказуемости, словообразовательные и словоизменятельные, падежные окончания. Каждый исследователь соответственно своему интуитивному восприятию речевой ситуации выделяет один из аффиксов или корневой слог, "наделяет" его ударением. Один уверен, что речь идет о множественности объекта, другой — о его принадлежности к чему-либо, третий — о его месте, четвертый — о направлении движения объекта и т.п.

Возьмем конкретный пример. В многоаффиксальном слове "ат-таргына" (к их коням) возможны три варианта определения места словесного ударения по числу слогов в нем; причем это может быть достигнуто за счет изолированного произнесения логически важно-го в данной речевой ситуации слова:

Перевод: положи сено к их (гостей) коням.

Первый исследователь логически выделяет аффикс множественности, при этом он будет иметь в виду

к их коням,

т.е. не одному, а всем коням следует положить сено.

Второй исследователь выделяет аффикс принадлежности, при этом имеет в виду

к их коням,

т.е. только их коням следует положить сено, а коням других нет.

Третий исследователь выделяет падежное окончание, при этом он имеет в виду

к их коням,

т.е. на конкретный объект необходимо направить данное действие.

Таким образом, основанием для выводов о словесном ударении в целом и о его месте в частности являются свидетельства самих исследователей, которые логическую выделенность того или иного слога во фразе или в слове-фразе принимают за словесное ударение.

Что касается экспериментально-фонетических работ, то из-за несовершенства методики отбора экспериментально-фонетического материала результаты совершенно различны. Как известно, наиболее распространенным методом является чтение списка изолированных слов, редко — коротких фраз. Он применим при неоспоримом наличии фонологического словесного ударения, когда целью исследования является лишь описание его фонетической природы. А для доказательства наличия словесного ударения в языке и определения его места в слове этот метод, безусловно, непригоден, поскольку при чтении списка отдельных слов невозможно избежать перечислительной, назывной или точковой интонации, фонетические характеристики которых легко могут быть приняты за словесное ударение.

В действительности однословная фраза произносится с интонацией, вытекающей из логики всего высказывания. Тем не менее результаты, полученные таким путем, легли в основу всех исследований просодики турецкого слова, которая была определена как акцентная подобно индоевропейской системе языков.

Нам кажется, все рассмотренные недостатки методов, при помощи которых обнаруживается словесное ударение в турецких словах и определяется его место, функции и природа, показывают необходимость иного подхода к решению проблемы просодики турецкого слова.

В учебно-методические пособия для турецкоязычных студентов высших учебных заведений входят правила об ударении на последнем слоге основы, а при наращивании аффиксов переходящем с основы на присоединяемые аффиксы⁹⁴. Даже после многолетнего обучения учащиеся не могут в достаточной степени овладеть нормами русского ударения.

Не является ли это результатом отсутствия словесного ударения как единицы фонетической системы турецких языков, вследствие чего у носителей этих языков не выработаны произносительные навыки для передачи ударения — проявляется "акцент" как неправильный произносительный навык на уровне слова? Так, Н.Д.Светозарова понимает ударение как фонологическую метку на одном из слогов слова (реже на нескольких слогах одновременно)⁹⁵. Но это применительно к индоевропейским языкам. Что же касается турецких языков, то фонологическая метка в них отсутствует и тут не имеет смысла рассуждать о словесном ударении.

Туркологов, вероятно, вводила в заблуждение схожесть средств выделенности одного из слогов с используемыми фразовой интонацией. Ибо совпадение границ слова и интонационных единиц или вхождение слова в эти единицы наряду с другими словами, позиция слова во фразе, семантический вес слова и другие факторы определенным образом влияют на фонетическую градацию слогов в слове. Однако в турецких языках смысл фонетической градации слогов в изолированном слове может быть понят только при известном содержании предыдущего текста речи (контекста) или же при воспроизведении всей фразы, куда входит данное слово, и восстановлении ее полной интонационной конструкции. Таким образом, фонетиче-

⁹⁴ См.: Дебедева Ю.Г. Пособие по фонетике русского языка. М., 1981. С. 92.

⁹⁵ См.: Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982. С. 121.

ская выделенность одного из слогов в слове на фоне других слогов есть реализация фонологической интонационной структуры всей фразы. Это доказывается еще и тем, что в другой коммуникативно-логико-эмоциональной речевой ситуации на первый план может выйти смысл другого слова из этой же фразы и прежнее слово ничем не будет выделяться.

Вместе с тем ни один из выводов исследователей о наличии словесного ударения на основе исследования изолированных слов не подкреплен опытами по восприятию, хотя и утверждается его смысло-различительная функция.

Мы проводили данные опыты с носителями казахского языка⁹⁶. Для эксперимента были взяты омонимичные пары слов общетюркского происхождения, широко используемые в литературе в качестве примеров, для доказательства смысло-различительной функции тюркского словесного ударения. Были составлены короткие фразы из двух слов для четкого и ясного произношения: алма (яблоко) - алма! (не бери!), жарма (крупа) - жарма! (не коли!), керші (сосед) - керші (посмотри-ка!), баласыз (бездетный) - баласыз! (вы ребенок!). Словоформы-омонимы объединены в пары.

При составлении фраз соблюдалось условие, чтобы данное слово находилось в предложениях с различной интонацией и в разных частях предложения. В 23 коротких предложениях повествовательного и побудительного коммуникативных типов интересующие нас слова находились как в начальной, так и в конечной позициях фраз:

1. Бул алма - это яблоко.
2. Бунн алма! - Это не бери!
3. Жарма - зат есім - крупа - существительное.
4. Керші - қолаң - соседи.
5. Жарма - етістік - не коли - глагол .
6. Бунн керші!-Посмотри-ка на это!
7. Жарма тап! - Достань крупу!
8. "Жарма!" - деді - "Не коли!" - сказал он .
9. Бул-керші - это сосед .
- 10: Алма - етістік - не бери - глагол .
11. Сіз баласыз! - Вы ребенок!
- 12: Жарма сөк - крупа пшеничная .
- 13: Алма - зат есім - яблоко - существительное .

⁹⁶Раздел, посвященный опытам по восприятию, написан совместно с Ж.Абуовым.

14. Ол баласыз - он бездетный.
 15. Көрші келді - сосед пришел.
 16. "Көрші!" - деді - "Посмотри-ка!" - сказал он.
 17. Бул жарма - это крупа.
 18. Алма тал - яблоневое дерево.
 19. Буны жарма! - Не коли!
 20. Алма тап! - Яблоко достань!
 21. Көрші - етістік - посмотри-ка-глагол.
 22. "Алма" - деді - "Не бери!" - сказал он.

Они были прочитаны 5-ю дикторами. Мы отобрали в произнесении каждого из них 4-5 фраз. Если пары омонимов "алма" в конечной позиции (1 и 2 фразы) взяты в произнесении диктора 1, то в начальной (фразы 21 и 23) - в произнесении диктора 5. Таким же образом распределены остальные фразы:

Фразы	Диктор
1-5	1
6-9	2
10-14	3
15-19	4
20-23	5

Дикторы заранее были ознакомлены с текстом экспериментального материала, да и сама структура предложений с их знаками препинания ясно определила смысл высказывания. Дополнительных указаний дикторам не давалось. Прочтение было естественным и соответствовало нормам казахской речи.

Из фраз с помощью сегментатора были выделены слова-омонимы, переписаны на другую магнитную ленту и предъявлены аудиторам в порядке прочтения фразы: за исключением трех случаев (1 и 2, 7 и 8, 15 и 16) они расположились произвольно, а эти три пары - рядом для определения, делают ли дикторы выводы-усилия при их произнесении, имея возможность сравнения. Каждое выделенное слово записывалось в трехкратном повторении, и между тройками сегментов делалась достаточно длительная пауза для принятия решения и нанесения отметки на бланке с заранее отпечатанными словами: Испытуемые - сотрудники Института языковедения АН КазССР, окончившие школу и вуз на казахском языке, исследователи (не фонетисты) казахского языка. На первом этапе были привлечены 22,

на втором — 24 аудитора. Вначале они должны были определить ударный слог и отметить его черточкой сверху, если же не слышали ударения — ничего со словом не делать.

Варианты сводились к трем возможным: ударение на первом слоге (ˈ —), на втором (— ˈ) или оно отсутствует — оба слога равноударные (— —).

Так или иначе аудиторы старались отметить якобы ударный слог. Из 504 случаев только в 106 ударный слог не был отмечен. Это говорит, конечно, о том, что возможность выделения на слух одного из слогов действительно существует: первый слог отмечен в 200 случаях, второй — в 198.

Если учесть, что примерами служили слова-омонимы, одно из которых с возможным ударением на первом слоге, другое — на втором (исключение составлял один стимул из пары "көрші-қолан", где интересующее нас слово является начальным компонентом), то число стимулов с возможным ударением на первом слоге и на втором было равным. Следовательно, количество слов с правильно опознанным ударением на первом и на втором слогах должно приблизительно совпадать.

На первый взгляд, соотношение 200 на 198 говорит почти о равном распределении возможного ударения между первым и вторым слогами (при этом мы исключили те случаи, когда ударением не отмечен ни один из них). Однако дальнейший анализ результатов опознания возможно ударного слога показал, что такое равновесие является случайным и не отражает предписываемого правилом тюркского распределения ударения в двусложных омонимичных словах. Только в 211 случаях место возможно ударного слога отмечено верно, а в 187 аудиторы ошиблись в определении места ударного слога. Разница в 24 ответа не дает основания для вывода о существовании реальной фонологической метки, которую улавливает языковое чутье носителей казахского языка.

Было интересно наблюдать за поведением аудиторов во время опытов по восприятию. Почти всех их смущала и раздражала сама поставленная перед ними задача — определение ударного слога. По их мнению, слоги невозможно дифференцировать, тем не менее многие из них отмечали тот или иной слог как ударный. У троих наблюдалась склонность отмечать несколько стимулов подряд с ударениями на первом или на втором слоге: четверо чаще отмечали первый слог, трое других — второй, двое делали больше пропусков.

Примерно через месяц аудиторам были розданы списки слов с двумя возможными переводами на русский язык (алма – яблоко/ не бери), из которых им предлагалось подчеркнуть перевод, по их восприятию соответствующий воспроизведенному на магнитофоне казахскому слову; в случае невозможности идентификации – оставить в нетронутом виде. Опыты последнего этапа преследовали цель определить способность словесного ударения выполнять словоразличительную функцию. Ниже приводится список слов-стимулов:

<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>баласыз</i>	бездетный / вн ребенок
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>баласыз</i>	бездетный / вы ребенок
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>Жарма</i>	крупа / не коли
<i>алма</i>	яблоко / не бери
<i>кәрші</i>	сосед / посмотри-ка
<i>алма</i>	яблоко / не бери.

В 245 случаях из 506 (почти половина) испытуемые не смогли дать толкование смысла предлагаемых стимулов, в 154 – дали неправильно, в 107 случаях – правильно. Как видим, определить на слух смысл изолированного слова оказалось гораздо сложнее, чем отметить возможно ударный слог в тех же стимулах; лишь третья часть ответов оказалась правильной. Это говорит о том, что попытки

доказать наличие словесного ударения путем приписывания ему сино-
лоразличительной функции весьма сомнительны.

По анализу индивидуальных показаний auditors, больше неспра-
вившихся с заданием (6 человек), двое выбирают один из перево-
дов; двое дают более или менее верные ответы, двое — больше не-
верных ответов.

По этим данным, словесное ударение вряд ли может служить в
казахском языке фонологической меткой словоопознавания и слово-
различения. Подтверждается, на наш взгляд, исключительная обу-
ловленность фонетической (акцентной) структуры слова от общей
интонационной конструкции фразы и отсутствие непосредственной
связи между ней и смыслом слова.

Одним из постоянно привлекавших внимание исследователей фонетических явлений в тюркских языках был сингармонизм, или, как его чаще называли, гармония гласных. История изучения вопроса описана довольно подробно. Тем не менее подход к результатам исследования сингармонизма остается критическим, поскольку сделанные выводы противоречивы и неполны. Изучение литературы по данной проблеме показало, что подавляющее большинство авторов ограничивается лишь констатацией факта — исконно казахские слова произносятся либо одинаково твердо, либо одинаково мягко — тогда как задача всякой науки состоит в объяснении наблюдаемых явлений⁹⁷.

Малоизученность функций и природы сингармонизма привела исследователей к поискам словесного ударения. Так, в книге "Тюркские языки"⁹⁸ упоминание о сингармонизме как таковом встречаем в описании фонетики 7 языков, о гармонии гласных — 12 языков, зато по всем 23 тюркским языкам говорится о словесном ударении.

Таким образом, мы должны выяснить, все ли лингвистические функции сингармонизма определены и описаны, каким образом множество звуковых оттенков распадается на 4 сингармонические группы, каковы их артикуляционно-акустические характеристики и совместимо ли словесное ударение с сингармонизмом.

В.В. Радлов считает причину возникновения гармонии гласных морфологической, тесно связанной с внутренней языковой формой урало-алтайских языков⁹⁹. Он дает фонематическое и фонетическое

⁹⁷См.: Зиндер Л.Р. Заметки о синхронии и диахронии // Вопросы казахской фонетики и фонологии. Алма-Ата, 1979. С.5.

⁹⁸См.: Тюркские языки // Языки народов СССР. Т.2. 531 с.

⁹⁹См.: Радлов В.В. Фонетика северных тюркских языков. На нем. языке. Лейпциг, 1982. С.52.

объяснение сингармонизма: появившаяся в примыкающих языках необходимость во внешнем соединительном средстве есть нынешнее суперсегментное или просодическое средство, объединяющее отдельные слоги и морфемы в единое целое — слово. А описанием положения произносительных органов (придаточной трубы) он определяет физиологическую основу гармонии гласных. Ведущим элементом гармонии, по его мнению, является гласный сегмент слова. Бодуэн де Куртене более подробно останавливается на этом явлении. В многосложных словах индоевропейских языков, говорит он, всегда впереди выступает один слог, который выделяется посредством ударения. Остальные невыделенные слоги тоже сохраняют свою индивидуальную особенность и не изменяются под влиянием этого господствующего слога. В туранских языках, напротив, все подчиняется господствующему слогу. В индоевропейских языках нельзя говорить о слове, пока отдельные слоговые и звуковые комплексы (основа, суффикс, окончание) не объединены посредством относящегося к одному слогу акцента в одно целое. Так же происходит здесь сложение двух слов в одно за счет потери одним из них свойственного ему тона и подчинения общему акценту, который сопровождает один из слогов другого слова. В туранских языках отдельные слова и слоги должны рассматриваться как самостоятельные слова, пока они в одном определенном выражении в разрез законам гармонии гласных сохраняют им свойственные гласные: Если же они, по выражению Бодуэна де Куртене, скрепляются цементом гармонии гласных, то образуют из отдельных односложных слов одно многосложное. Так же происходит слияние двух слов в единое целое, если гласные одного гармонично сливаются с гласными другого¹⁰⁰. Бодуэн де Куртене путем параллельного изложения и сравнения показал общее между ударением и сингармонизмом (гармонией гласных) — их функциональную идентичность: оба они служат объединению отдельных сегментов в единое слово. Поскольку словесное ударение относится к индоевропейским, а гармония гласных — к туранским языкам, они представляют типологические признаки, которые делают эти языковые группы принципиально несходными: Бодуэн де Куртене базовой единицей гармонии считает также гласные звуки.

¹⁰⁰ См.: Бодуэн де Куртене И.А. Резья и Резьяне // Славянский сборник. СПб, 1876. Т. 3. С. 223-224.

До В.А.Богородицкого и в последующие годы при характеристике вокализма формулировались законы чередования гласных на материале одного языка (включая его диалекты) и на материале различных тюркских языков. Сингармонизм сводился к гармонии гласных в слове и, так сказать, растворялся в общих явлениях ассимиляции звуков: По словам А.А.Ковшовой, заслуга В.А.Богородицкого заключалась в том, что он сформулировал законы сингармонизма гласных в аспекте синхронии и диахронии, рассмотрев гласные через призму этого оригинального тюркского явления, как бы вынес за скобку то общее, что характерно для каждого гласного звука в отдельности, и сделал это общее предметом специального рассмотрения¹⁰¹. Таким образом, в тюркологии осуществляется постепенный переход к употреблению термина "сингармонизм". В.А.Богородицкий видит в гармонии гласных, или сингармонизме, одну из наиболее характерных особенностей тюркских языков, когда гласные корня видоизменяют определенным образом вид вокализма суффиксов и флексивных окончаний. При этом вокализм корня представляет одну существенную особенность: гласные выступают каждый в своей индивидуальности без чередования с другими гласными, тогда как в придаточных морфемах гласные ограничены двумя основными типами — гласным либо широким, либо узким, видоизменяющимся сообразно с корневым вокализмом в отношении палатальности или непалатальности, а также губности или ее отсутствия¹⁰². Кроме выделения сингармонизма как одной из характерных черт тюркских языков ученый указывает на принципиальную возможность деления вокального состава слова на корневую и аффиксальную морфемы, их функциональную неравнозначность: в корневой морфеме гласные выступают в большем разнообразии, нежели в придаточных. Причем он предлагает сначала обратиться к гласным корневым и притом ударенным, поскольку при ударении качество гласного выступает и гласный свободен от ослаблений, связанных с неударенностью.

Следует отметить, что при наличии сингармонизма в тюркских языках В.А.Богородицкий не отрицает и присутствия словесного ударения в фонетическом облике слова.

¹⁰¹ См.: Сравнительно-историческая грамматика... С.435.

¹⁰² См.: Богородицкий В.А. Введение в татарское языковедение. Казань, 1953. С. 117.

Н.А.Баскиков видит в противопоставлении губных и негубных звуков в тюркских языках возможность дифференциации значений корневых морфем, так как только в корнях слов губные и негубные гласные и согласные звуки служат средством различения реального значения корневых морфем. А поскольку корневая морфема всегда совпадает с первым слогом, то фонематическое противопоставление лабиализованных и нелабиализованных звуков встречается только в первых слогах, в последующих это противопоставление теряет фонематическое значение¹⁰³. Он считает, якобы слабое проявление губного сингармонизма в некоторых тюркских языках породило мнение о его позднем происхождении по сравнению с небным. Несостоятельность такого взгляда на проблему была отмечена еще В.В.Радиовым. Он считал, что лабиально-сингармонизм является таким же изначальным, как лингвально-сингармонизм¹⁰⁴. И В. Котвич тесно связывает лабиальную ассимиляцию с палатальной, причем всюду образуется единая система сингармонизма¹⁰⁵. В.А.Богородицкий видит в небной и губной гармонии комплекс сингармонических признаков¹⁰⁶. И.А.Батманов относит явление лабиально-сингармонического чередования гласных в корнесловах киргизского языка в большей степени к общетюркскому пласту¹⁰⁷. Анализ просодики исконно тюркских, в том числе казахских, слов подтверждает правоту данных мнений (как без противопоставления небного сингармонизма губному различать исконно казахские (тюркские) слова вроде *кырык* [qy-zyq] - *кырык* [qyzyq], *тири* [tʲiʲi] - *тыри* [tʲiʲzi], *ат* [at] - *от* [ot]). Вряд ли убедительным будет утверждение, что первые из этих пар слов появились раньше последних).

¹⁰³ См.: Языки народов СССР. Т. 2. С. 18.

¹⁰⁴ Цит. по: Батманов И.А. Фонетическая система... С. 71.

¹⁰⁵ См.: Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962. С. 102.

¹⁰⁶ См.: Богородицкий В.А. Введение... С. II7.

¹⁰⁷ См.: Батманов И.А. Фонетическая система... С. 71.

Основу гармонии гласных М.А.Щербак видит в слоговом сингармонизме как "явлении вокально-консонантной гармонии в пределах односложного слова"¹⁰⁸. В этом, на наш взгляд, заложена основа "разгадки" просодики тюркского слова, ибо изучение сингармонизма должно начинаться с односложных слов. Наиболее древней из двух разновидностей гармонии он считает палатальную.

Отсутствие представления о лингвистической роли сингармонизма, невозможность обнаружить ее породили другую точку зрения на происхождение сингармонизма.

Вопрос о роли согласных в системе сингармонизма привлекал не всех исследователей раннего этапа. Этим подразумевалась, видимо, несущественность фонетической характеристики согласных в сингармонической просодике тюркского слова и их зависимость от характера вокального сегмента, о чем свидетельствует и термин "гармония гласных", широко распространенный прежде, но не менее распространенный, к сожалению, и ныне. Н.А.Баскаков вполне однозначно и определенно указывает на обусловленность дифференциального признака противопоставления передних и задних фонем в тюркских языках не свойством отдельных гласных или согласных фонем, а свойством целого тюркского слова. Фонологическую роль палатального сингармонизма он видит в консолидации фонем в слове и словоделении в потоке речи, а лабиального сингармонизма — в корневой морфеме¹⁰⁹.

Таким образом, на данном этапе исследования сингармонизма определены две его функции: словоорганизующая и словоразделительная (разграничительная).

Исследователи казахского языка отметили сингармонизм как одну из главных закономерностей фонетики. Все они считают, что гласный корня определяет характер гласного аффиксов и подчиняет их себе. Например, Х.Жубанов видит в сингармонизме ту силу, с помощью которой достигается единство корня и аффиксов¹¹⁰. С.К.Кенесбаев считает сингармонизм одним из видов гармонии звуков, при котором гласные уподобляются друг другу по участию губ или языка, а гласные фонемы — основой сингармонизма и его различных видов; согласные, по его мнению, целиком и полностью находятся под воздействием гласных, следовательно, последний

¹⁰⁸ Щербак А.М. Сравнительная фонетика... С. 121.

¹⁰⁹ См.: Языки народов СССР. Т.2. С. 19.

¹¹⁰ См.: Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966. С. 193.

из соседних слогов уподобляется предыдущему^{III}. Надо отметить, что во всех учебниках и трудах по фонетике казахского языка природа сингармонизма определена аналогичным образом.

Однако определение сингармонизма лишь как обычной гармонии звуков не точно. Отсюда качественно новый подход исследователей к явлению сингармонизма: В частности, А.А.Реформатский отмечает необходимость в более точных и иерархически приемлемых истолкованиях^{II2}, объяснениях сингармонизма, считает его в тюркских языках не просто фонетическим явлением и тем более не только разновидностью ассимиляции, а фундаментальным структурно-типологическим явлением, затрагивающим фонетические уровни и морфологический ярус структуры языка^{II3}.

Большинство исследователей также едины в мнении о сингармонизме как единице, обеспечивающей цельноформленность слова. А.А.Реформатский согласен с выводом Э.Дени, что явление гармонии гласных имеет отзвук в некоторых согласных, например, в гуттуральных и в латеральном варианте *ʕ*, но считает его недостаточным: все согласные, кроме йота, могут быть представлены в двух разновидностях в словах заднего и переднего сингармонизма, что только более ощутимо и очевидно для "к", "ч" и "л"^{II4}. Следует указать на одну неточность ученого. Определение на слух и результаты экспериментального анализа показали, что йот [j] также имеет сингармонически твердый и мягкий варианты. М.А.Черкасский считает, что в гармонии гласных достаточно явственно прослеживаются части корреляции с морфологической структурой слова, предлагает сингармонические модели, полностью регламентирующие последовательность гласных в слове при заданной огласовке начального слова^{II5}. Неодобрительно относясь к дихотом : "вока-

^{III} См.: Современный казахский... С.92,95.

^{II2} См.: Реформатский А.А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики// Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970. С. 102.

^{II3} См.: Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма// Исследования по фонологии. М., 1966. С. 198.

^{II4} См.: Реформатский А.А. Иерархия ... С. 122-123.

^{II5} См.: Черкасский М.А. Тюркский вокализм... С.10.

лизм корня - вокализм аффикса", В.А.Виноградов считает обычное понимание (например, в турецком корне различают 8 фонем, в аффиксах - 2) противоречащим самой идее просодического подхода, так как оно ставит корень в какое-то исключительное с фонологической точки зрения положение по отношению к слову; сингармонизм есть модель всего слова, включая корень, на который в равной мере распространяется акцентный признак слова, выраженный гармонирующим дифференциальным признаком¹¹⁶.

Итак, в вопросе о сингармонизме наблюдаем следующую эволюцию мысли о его природе и функции. Начальный этап - это фиксация сингармонизма как явления в языке чисто фонетического, далее определение его функции как единицы, обеспечивающей цельноформленность слова. Агглютинативный характер тюркских языков (корень + аффикс) породил у исследователей понятия "фонология корня" и "фонология аффикса", по которым гласные корня определяют сингармонизм всего слова, а гласные аффиксов обусловлены характером начальных слогов. И последнее - это появление мысли о равноправии корня и аффикса в рамках сингармонической модели.

В основном сингармонизм определяется как гармония гласных, и вокализм корня подчиняет себе вокализм аффиксов. Палатальную гармонию относят ко всему слову, тогда как лабиальную только к корню. В отношении истории двух видов гармонии мнения разделились. Консонантный состав слова не всеми учитывается при анализе сингармонизма. Нарушение сингармонизма рассматривается как неотъемлемый аспект этой проблемы, и данная теория имеет немало сторонников. Ведущей функцией сингармонизма признана его способность, если говорить словами Боуэна де Куртенэ, цементировать звуки в слово; также отмечена возможность сингармонизма служить пограничным сигналом.

Добавим, что любая просодическая единица должна относиться ко всему лексическому составу языка - как к односложным, так и многосложным его единицам: Однако идея гармонии гласных, которая предполагает как минимум два слога в составе слова, увела исследователей несколько в сторону, исключив тем самым односложные слова из объекта исследования. Видимо, этим и объясняется

¹¹⁶ См.: Виноградов В.А. К интерпретации сингармонизма как морфонологического явления // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 346-347.

отсутствие в их работах исследования по сингармонизму односложных слов. На наш взгляд, исследование сингармонизма должно начинаться с изучения односложных слов, которых немало в тюркских языках, хотя многим фонетистам на первых порах будет непривычно слышать сочетания "сингармонизм односложных слов" или "гармония односложного слова".

Таким образом, ряд исследователей, зафиксировав наличие сингармонизма фонетически, не могли осмыслить его фонологически. Тем не менее очевидно, что сингармонизм не просто гармония гласных: он относится ко всему слову, включая как гласные, так и согласные. Обнаружение способности сингармонизма "цементировать" слово - несомненное достижение фонологии. Появление дихотомии "фонология корня - фонология аффикса", на наш взгляд, есть фонологическое заблуждение, хотя нельзя отрицать прикладное значение фонологических моделей. Выявление равноправия корневых и аффиксальных морфем - новый шаг в решении вопроса о сингармонизме.

Вопрос о просодике тюркского слова как словесном ударении на протяжении десятков лет привлекает пристальное внимание ученых многих поколений, различных школ и традиций. Многие специалисты высказывали и высказывают в корне противоречивые мнения, при этом выводы одних опровергаются другими. Каждый автор, как правило, сопровождает свои выводы рядом оговорок и исключений, которые в конечном счете опровергают сами выводы.

Все это обусловлено, по нашему мнению, тем, что почти все исследователи пытались функцию и природу просодики тюркского слова свести исключительно к индоевропейской системе акцентуации. Такая тенденция в истории лингвистики не нова. Не избежала ее и тюркологическая наука, особенно в области фонетики. Аналогичную ситуацию в лингвистике А.А.Леонтьев назвал очень метко "европоцентризмом". Область его вторжения весьма широка; например, предполагается, что отношения между единицами (и их связями), соответствующими различным уровням системы языка, являются универсальными и строятся по модели языков европейского ареала; система категорий описания, выработанная в рамках европейской (и в частности русской) грамматической традиции, считается если не полностью универсальной, то, во всяком случае, достаточно глобальной и пригодной для описания любого языка¹¹⁷.

¹¹⁷ См.: Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983. С. 32.

Например, наличие универсальных сегментов гласных и согласных звуков в европейских и восточных языках, как теперь стало ясно, оказалось недостаточным основанием для проведения идентичного членения потока речи на минимальные смысловые единицы, последние оказались неидентичными: в европейских языках — фонемы, в восточных — тоны. Следовательно, наличие и в тюркских языках тех же универсальных сегментов — гласных и согласных не дает основания безоговорочно свести смысловое членение тюркской речи к одной из вышеотмеченных форм. Скорее всего иная структура тюркских языков должна предполагать иной критерий членения речи и иной минимальный смысловой сегмент, на поиски которых и направлены наши усилия.

Но проведение такого членения возможно только в том случае, если, как показывает опыт анализа европейских и восточных языков, будет правильно определен просодический признак слова.

Обзорно-критический анализ имеющейся литературы по акцентологии тюркских языков убеждает, что словесное ударение не является просодическим признаком тюркского слова. Та или иная выделенность определенного слога в слове не обусловлена непосредственно смыслом самого слова и является не его неотъемлемой фонетической характеристикой, а результатом субъективной интерпретации исследователями письменного текста (слова) в логико-эмоциональном и коммуникативном плане. Практически бесконечность логико-эмоциональных и коммуникативных оттенков речи, а также преждевременная убежденность в наличии словесного ударения и массовое стремление к его обязательному обнаружению привели к появлению противоречащих и взаимоисключающих взглядов.

Перенос различных достижений индоевропейского языкознания в методике исследования и его фундаментальных лингвистических теорий на тюркскую почву — слишком облегченный путь решения современных задач тюркологии, в то время как тюркские и ряд других восточных языков ставят перед лингвистами большое число проблем, без решения которых построение действительного универсального понятийного аппарата крайне затруднительно и даже невозможно.¹¹⁸ Весьма показателен в этом отношении пример исследования языков Юго-Восточной Азии. И здесь были попытки пофонемного (наподобие индоевропейскому) членения и анализа речи, а также поиски словесного ударения в них. Однако принципиально новый

¹¹⁸См.: Кононов А.Н. Вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР// Советская тюркология. 1978. № 2. С. 5.

подход к исследованию этих языков, например их фонетической структуры, привел к обнаружению в них отличной от индоевропейской просодической организации слова и иного порядка членения слога на более мелкие сегменты. Было доказано, что иные, чем в индоевропейских языках, особенности в фонетической организации звуковой цепи и реализации фонологических противопоставлений обуславливают морфемное членение не дальше слога: в качестве означающего морфемы выступает, как правило, слог (а отдельный звук является значащей единицей лишь постольку, поскольку он образует самостоятельный слог), возникают особые отношения между звуками, которые не позволяют отождествить элементы слога с фонемами европейских фонемных языков. Такие языки (к ним относятся китайский, бирманский, вьетнамский, тайский и некоторые другие языки Юго-Восточной Азии) принято называть слоговыми¹¹⁹. Здесь необходимо привести ставшее хрестоматийным высказывание Л.В.Щербы о том, что определение фонемы как кратчайшего звукового элемента, способного ассоциироваться в данном языке со смысловыми представлениями, не является обязательным для всех языков мира; наоборот, можно представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного "а", и в таком языке фонемами будут "sa", "ka", "ta", "ša" и т.д. — "а" не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите¹²⁰.

Одна из попыток утверждения словесного ударения делается путем обнаружения нарушения сингармонизма в тюркских, в частности в казахском, языках. Сторонники данной точки зрения предполагают, что нарушенный сингармонизм не может быть просодическим признаком слова, тем не менее слово как таковое существует, следовательно, здесь действует нечто иное, чем сингармонизм, — суперсегментная объединяющая единица, а такой единицей может быть только словесное ударение. Следовательно, по их мнению, словесное ударение — реальный факт в тюркских языках.

¹¹⁹ См.: Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи // Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А. и др. Л., 1980. С. 10.

¹²⁰ См.: Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С. 8.

Для того чтобы разобраться в нарушениях сингармонизма, следует в первую очередь найти те причины, которые привели некоторых исследователей к такому заключению. Их несколько, и все они связаны с несовершенством орфографии и ее правил в большинстве тюркских языков. Ибо нарушения сингармонизма исследователи находят, как правило, в письменном тексте или же при чтении этого текста, тогда как в живой разговорной (непринужденной) речи носителей языка ничего подобного не происходит. Обратимся к фактам казахского языка как наиболее доступного для нас.

С первого класса мы учим, что данный гласный произносится так-то, затем пишем его в непривычном месте слова. Таким образом, читающему сложно произносить сингармонически неправильно написанное слово и необходимо определенное целенаправленное артикуляторное движение, сознательно контролируемое носителем языка, аналогичное старанию правильно произнести иностранное слово. Теряется произносительный автоматизм, который обычно обеспечивается сингармонической просодикой слова. Например, написание и орфоэпическая норма произношения следующих слов находятся между собой в противоречии:

Орфография	Орфоэпия
<i>kıman</i> [k'itap]	[k'it'äp']
<i>қылаш</i> [k'ülaš]	[k'üil'äš']
<i>kına</i> [k'ina]	[k'in'ä]

Все это свидетельствует о "нарушении" сингармонизма лишь в письменном тексте.

Другое "нарушение" связано с употреблением буквы "и". Этой буквой, как известно, обозначается гласный звук русского языка переднего ряда верхнего подъема. В казахском письме ее употребляют в написании твердых и мягких, губных и негубных сингармонических слов. Более того, ее обозначается не отдельный звук, а одновременно четыре разных сочетания: *ий* [ij], *иі* [iɣ], *уі* [uɣ], *үі* [üɣ], что очень осложнило и без того непоследовательную казахскую орфографию. Как показал анализ "Орфоэпического словаря казахского языка", в зависимости от сингармонического состава слова и позиции употребления в слове буква "и" допускает 8 различий¹²¹. И если такое неоправданное различение каким-то

¹²¹ См.: Демесинова Н., Джунибеков А. Рец. на: Неталиева Қ. Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі. Алматы, 1977 // Советская тюркология. 1978. № 3. С. 100-102.

образом регулируется, то лишь благодаря сингармонической организации слова, а не с помощью словесного ударения.

Перенос принципов и средств несингармонического на сингармоническое письмо послужил дополнительным поводом для утверждения якобы имеющего место нарушения сингармонизма. Во-первых, написание буквы "и" в составе сингармонически твердых слов, где гласные всегда заднего ряда, а согласные веляризованы, противоречит произносительному навыку носителей языка. Во-вторых, сторонники "нарушения" сингармонизма на месте буквы "и" предполагают один гласный звук, причем этим звуком может быть только гласный переднего ряда верхнего подъема, который имеет сингармонически мягкий тембр. Следовательно, считают они, в составе сингармонически твердых слов "и" [i] появился в результате нарушения сингармонизма. В доказательство приводят написание таких слов, как "сипат", "апын" и др.

Однако в данных и аналогичных им словах буква "и" обозначает не один гласный, а сочетание гласный + сонант [j]. Причем вокальный сегмент этих сочетаний составляет один из четырех гласных верхнего подъема: *ы* [y], *і* [i], *ү* [u], *у* [u]. В составе вышеприведенных примеров "сипат", "апын" буква "и" обозначает сочетание "ий" [yj], следовательно, их фонетическая транскрипция выглядит следующим образом: [syjpat], [apyjyn]. Слогообразующим элементом сочетания является гласный заднего ряда, что соответствует твердому сингармоническому тембру. Для того чтобы нарушился тембр сочетания, должен измениться сингармонический контур всего слова, куда входит это сочетание. Такие факты пока незафиксированы в казахской речи.

Главная неточность сторонников теории нарушения сингармонизма состоит в том, что у них зрительное восприятие буквы "и" ассоциируется с гласным "и" русского языка, который отсутствует в исконно вокальной системе казахского языка. В какой-то степени этому благоприятствует акустическая близость второго компонента сочетания среднеязычного [j] к "и" [i]. Все это привело к тому, что сочетание "и" [yj] стали определять как русский [i]. В результате отсутствия фонологического анализа данное сочетание стали рассматривать как гласный-монофтонг. Экспериментально-фонетические работы велись без разложения сочетания на составляющие его компоненты. Если иметь в виду ту тесную артикуляционную связь узкого

гласного с среднеязычным плавным сонантом, то не трудно себе представить, как близок будет акустический эффект такой связи. Поскольку сочетание двух самостоятельных звуков рассматривается как один гласный, то и результаты экспериментально-фонетического анализа не дают реальной картины данного сочетания как последовательности составляющих его компонентов — гласного и согласного. Вместо этого акустические рисунки гласного и согласного будут накладываться друг на друга и неизвестно, что получится из их комбинации. Полученная таким образом акустическая картина действительно должна выглядеть "нарушением" сингармонизма.

Результаты всякого экспериментально-фонетического исследования только тогда чего-то будут стоить, если получены путем анализа фонологически обоснованно выделенных сегментов.

Сторонники "нарушения" сингармонизма обычно отмечают тенденцию мягкого произношения твердых сингармонических единиц на месте "и", но не наоборот. При действительном нарушении сингармонизма в равной степени можно было бы ожидать твердого произношения мягких сингармонических единиц. Однако подобные случаи до сих пор незафиксированы. Не указывает ли это на неоправданное употребление буквы "и" в составе слов с твердой артикуляторной настройкой как на главную причину "нарушения" сингармонизма?

Надо признать, что за последнее часто принимает зрительный эффект тех или иных несовершенств орфографических правил под впечатлением написанного текста. Например, С.К.Кенесбаев и Н.Б.Карашева считают, что губная гармония наблюдается в разговорной речи казахов¹²². Иными словами, то, что отражено в орфографии, воспринимается как закономерность, в разговорной речи — как исключение. В результате основной объект фонетики — звучащая речь остается в тени. Аналогичные выводы делаются и по другим тюркским языкам¹²³.

¹²² См.: Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 321.

¹²³ См.: Закиев М.З. Татарский язык // Языки народов СССР. Т. 2. С. 143.

Следует отметить, что причина появления фонетически необоснованных выводов заключается в невключении тех или иных звуковых явлений в орфографические правила, в неотражении их в тексте:

В. Котвич указывает, что под влиянием различных причин вполне возможны довольно большие колебания в звуковой структуре сингармонизма, но как факт языка в той или иной форме он всегда существует¹²⁴. Более определенно по этому вопросу высказывается С. Е. Малов. Его возмущает сама постановка вопроса о "нарушении": сингармонизм нарушается для того, чтобы стать еще сильнее¹²⁵.

Действительно, те или иные фонетические перестановки — еще не нарушение сингармонизма, важно знать нарушены или нет фонологические отношения в его системе. Исключать влияние внешних и внутренних языковых и неязыковых факторов на развитие конкретного языка, конечно, нельзя. Однако тюркское слово существует благодаря только сингармонизму, сам же сингармонизм, перестраиваясь фонетически, будет все же сохранять фонологические отношения своих элементов. Ибо его нарушение — это исчезновение слова, и, наоборот, исчезновение слова — это нарушение сингармонизма. Можно ли представить себе, например, индоевропейское слово без ударения и тай-китайское (восточное) слово без тона?

То, что казахское (тюркское) слово имеет однородный просодический контур и среди составляющих его слогов нет выделенного слога, с одной стороны, а также агглютинативная структура тюркского слова — с другой, привели к мысли об обусловленности вокализма аффиксов вокализмом корня, что превратилось в строгое лингвистическое определение, полезное при научном анализе, но не существующее как факт языка. Думаем, что членение тюркского слова на корень и аффиксы (на первый и последующие слоги) — результат чисто исследовательского анализа, а не психолингвистической деятельности носителей языка. Для носителя, например,

¹²⁴См.: Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962. С. 102.

¹²⁵См.: Убрятова Е. И. Выступление на "Маловских чтениях". Новосибирск, 1980.

казахского языка не существует разницы в произносительно-просодическом плане между словами "сана" [sana] - сознание и "сан+а" [san+a] - считай.

Первое из них - двусложный корень, второе - произведенное от односложного корня "сан" (счет, число) способом агглютинации аффиксальное слово. У обоих слов звуковой состав, порядок последовательности звуков и их просодический контур полностью совпадают.

Вряд ли можно полагать, что носитель языка при произношении этих слов будет делать артикуляторные усилия, соответствующие безаффиксальному и аффиксальному словам. Иначе первое слово будет произнесено единым просодическим настроем, а второе будет делиться на корень + аффикс и аффикс каким-то способом в механизме речепроизводства будет "подогнан" к корню. Признание этого было бы признанием принципа сознательности при артикулировании слов. Точно так же вряд ли можно предположить, что носитель русского языка сознательно будет настраивать органы речи на произнесение предударного, ударного, заударного слогов, если слово трехсложное с ударением на втором слоге.

Следовательно, вышеприведенные примеры - цельное "сана" и составное "сан+а" произносятся одинаковым просодическим настроем, и считать, что корень обуславливает аффиксы, нет оснований. Этим мы хотим подчеркнуть, что каждое казахское слово при любой сложной аффиксации произносится единым просодическим настроем, обеспечивающим цельность всех звуков слова, без деления на внутрисловные сегменты. Например, возьмем последовательность производных слов от основы "ат" (конь): ат - конь, ат+тар - кони, ат+тар+ым - мои кони, ат+тар+ым+ды - моих коней. Эта аккуратная агглютинативная системность - дело рук исследователя. А для носителя языка каждое из этих слов является самостоятельным, и при нормальном коммуникативном условии нет необходимости произносить их "членораздельно". А такая произносительная цельность слова обеспечивается той или иной просодической единицей, в данном случае сингармонизмом. Он как парадигматическая единица действует на всю длину слова одновременно, и реализация его на синтагматических единицах типа слога и слова - не причина для вывода, что вокализм корня обуславливает вокализм аффикса. Следует хотя бы постоянно подчеркивать исследовательскую обусловленность аналогичных правил.

Как известно, языки наряду с фонемной имеют еще немаловажную дополнительную организацию слова — просодическую. В акцентных (индоевропейских) языках это — ударение, в слоговых — тон, в тюркских (агглютинативных) — сингармонизм. Фонематическое значение ударения и тона здесь признается всеми исследователями. Что же касается сингармонизма в тюркских языках, то, несмотря на признание сингармонизма (гармонии гласных) как реально существующего звукового явления, фонетисты не придавали ему особого значения в плане функционального анализа. Отсюда и отсутствие специальных теоретических и экспериментально-фонетических исследований, посвященных сингармонизму.

Отчасти установлению такого положения в тюркологии послужило появление сильного "конкурента" (опекаемого множеством тюркологов-фонетистов) — словесного ударения.

Ведущая фонологическая функция сингармонизма заключается в сохранении однородного тембра во всем облике казахского (тюркского) слова — это обязательный элемент его фонетического облика. Нарушение однородного характера тембра разрушает слово, режет слух, затрудняет восприятие или же делает слово вовсе непонятным. Эта конститутивная функция сингармонизма обеспечивает, таким образом, правильное опознавание слова. Например, такие казахские слова, как "бас" [bas], "бәс" [b'äs'], "бос" [bos°], "бөс" [b'ö:s'ö] и другие характеризуются не только определенным линейным сочетанием звуков, но и обязательным только для каждого из них качеством тембра всего слова. Причем как гласные, так и согласные одинаково подвержены влиянию сингармонического тембра. Важность словоопознавательной функции сингармонизма доказывается еще и тем, что любое сингармонически правильно организованное слово легко и точно произносится носителями казахского языка. Главное воспринимается как привычное слово, если даже будет непонятен его смысл. Таковыми являются диалектные слова — "әйбәт" [äjbät] (красивый), профессиональная лексика — "қоза" [qoza] (хлопчатник) и ранние заимствования — "үстел" [üstöl] (стол).

Это словоопознавательная (конститутивная) функция сингармонизма, аналогичная функции словесного ударения в русском языке.

Другой важной функцией (кульминативной) является объединение звуков, образующих облик слова. Если слово многосложное, то соответственно одному из сингармонических тембров он организует все сло-

ги. Эта функция играет важную роль в формировании общего фонетического облика тюркского слова и подтверждает, что сингармонизм характерен не только для многосложных слов, но является неотъемлемым элементом и односложных слов, что доказывает неоднозначность терминов "сингармонизм" и "гармония гласных", а также неточность последнего термина и связанного с ним понятия. С фонетической точки зрения важен сам набор сингармонических аллофонов каждого согласного. Правильное опознание тюркского слова при неблагоприятных фонетических условиях общения, когда, например, происходит оглушение гласного, зависит от восприятия всего слова, т.е. и согласных. Например, односложные слова типа "кыс" [qys] (зима); "түс" [t'üs°] (цвет) в речи могут произноситься с оглушенным гласным, тем не менее их смысл воспринимается ясно благодаря сингармоническому тембру согласных. Аналогичные глухие произношения гласных часто встречаются в составе многосложных слов.

С фонологической точки зрения важно, конечно, определение количества противопоставляемых тембров слога, которое зависит не только от его вокального сегмента, но и от сингармонических аллофонов консонантного компонента. Градация характера тембра имеет фонологический смысл, следовательно, его количество должно устанавливаться отдельно для фонологической системы каждого или группы родственных языков. При этом решающим критерием должна выступать возможность использования каждого отдельного сингармонического тембра для опознания и различения слов, а не всякое фонетическое различие, обнаруженное экспериментально-фонетически.

Словоразличительная функция сингармонизма также является существенной. Для ее доказательства можно привести минимальные (и многосложные) пары сингармонических квазиомонимов, которые широко распространены в тюркских языках.

Например, слова *mic* [tys], *mic* [t'is'], *myc* [t°us°], *myc* [t'üs°] различаются не только твердым и мягким, губным и негубным гласными *и* [y], *и* [i], *ы* [u], *ы* [ü], но и согласными [t - t' - t° - t'°], [s - s' - s° - s'°]. Следовательно, слова противопоставлены по всему своему звуковому составу. Участие всех звуков, составляющих слово, в противопоставлении строго обязательно, и, наоборот, недопустимо, чтобы хотя бы один звук из одного сингар-

монического варианта (тембра) был заменен звуком другого сингармонического варианта. Говоря иначе, вышеприведенные слова не могут звучать, в частности, так: [tys'] или [tɪs'], [t'us] или [t'us], [t'oy s] или [t'us] и т.п. Такое нарушение приводит к неестественному звучанию исконно казахских слов и исключительно неудобно для произношения носителями казахского языка.

Таким образом, существование сингармонических тембров доказывается выполнением ими словоопознавательной, словообразовательной и словоразличительной функций, следовательно, различие между ними имеет фонологическое значение.

Анализ фактов казахского языка позволяет выделить четыре сингармонических тембра (твердый, мягкий, губной, негубной), следовательно, его можно назвать языком политембральным.

Поскольку акустическим коррелятом сингармонических тембров является спектральная характеристика звуков, составляющих слог (слово), а его общая спектральная картина определенным образом выдержана и постоянна, то можно говорить о регистровом характере сингармонических тембров; они между собой различаются тем или иным порядком расположения формант как у гласных, так и у согласных. Определенный вид сингармонического тембра (его характерный акустический рисунок) начинается с согласного, предшествующего гласному (если слог начинается с согласного) и распространяется на согласный, завершающий слог (если слог оканчивается на согласный). Таким образом, сингармонический тембр является свойством всего слога, включая как гласный, так и согласный:

До сих пор при анализе функции сингармонизма для удобства в качестве примеров использовали тембральные (сингармонические) квазиомонимы. Однако следует отметить, что словоопознавательная функция присуща сингармонизму в любом слове независимо от наличия квазиомонима другой тембральной характеристики.

В казахском языке существует ряд слов, которые имеют сингармоническое дублетное произношение, например *қазір* [qazır] - *қазір* [k'az'ir'] (сейчас), *асыл* [asyɫ] - *әсил* [ä'sil'] (племенной) и др. Л.Р.Зиндер, анализируя аналогичное явление в русском языке, не отрицает конститутивные функции ударения и фонемы при возможном дублетном произношении, объясняет наличие последнего постоянным взаимодействием разных диалектов¹²⁶. Если учесть, что

¹²⁶См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 260.

дублетное произношение в основном является арабо-персидским заимствованием и одно из них, как правило, имеет диалектный характер, то данное объяснение подходит и к казахскому языку. Более того, само существование дублетного произношения лишний раз доказывает важность конститутивной функции сингармонизма. Ибо иноязычное слово может войти в лексический состав казахского языка только в случае приобретения им фонетического облика соответственно одному из сингармонических тембров. Дублетное произношение теоретически может доходить до четырех вариантов.

Таким образом, казахские слова различаются по следующей комбинации сингармонических признаков:

- 1) твердый негубной - мягкий негубной: *mic* [tʰys] - *mic* [tʰɪsʰ], *bac* [bas] - *бәс* [bʰäsʰ];
- 2) твердый губной - мягкий губной: *sol* [sʰolʰ] - *сәл* [sʰölʰ], *jon* [dʒʰonʰ] - *жән* [dʒʰönʰ];
- 3) твердый губной - твердый негубной: *tom* [tʰotʰ] - *там* [tat], *cup* [sʰuzʰ] - *сәір* [syzʰ];
- 4) твердый губной - мягкий негубной: *mon* [tʰonʰ] - *мін* [tʰɪnʰ], *mys* [tʰusʰ] - *mic* [tʰɪsʰ];
- 5) мягкий губной - мягкий негубной: *on* [önʰ] - *ін* [ɪnʰ], *myr* [tʰüzʰ] - *мер* [tʰezʰ];
- 6) мягкий губной - твердый негубной: *mys* [tʰüsʰ] - *мас* [tas], *op* [özʰ] - *ар* [azʰ];

Как видим, варианты палатального и лабиального сингармонизма ведут себя как равноправные единицы языка, наделены одинаковой функцией - словоразличительной. Вопреки традиционному мнению принципиальной функциональной разницы между ними нет. Она скорее всего артикуляторная. Следовательно, "губная гармония" не самостоятельное явление, а лишь разновидность сингармонизма.

Те языковые функции, которые присущи ударению в акцентных языках и тону в слоговых языках, обнаруживаются в сингармонизме тюркских языков. Это говорит об их функциональной идентичности в общезыковедческом плане и, как нам кажется, представляет важные и ведущие типологические признаки, которые указывают скорее на принципиальное различие, чем на сходство между этими группами языков. Следовательно, наличие одновременно двух из них или всех трех в просодической системе одного языка исключено (мы имеем в виду просодию слова).

Таким образом, под сингармонизмом понимаем однородную тембральную организацию всех звуков, как гласных, так и согласных, составляющих весь фонетический облик слога. Это касается и односложных, и многосложных слов, где однородный тембр объединяет уже слоги. Нарушение сингармонизма в пределах слога недопустимо, как и в исконно казахских многосложных словах и ранних заимствованиях.

Из практики анализа индоевропейских и слоговых языков, в которых исследования в области просодики слова достигли больших и бесспорных успехов в противоположность тюркским языкам, известно, что наименьшим носителем просодического признака слова является не отдельный звук, а целый слог. С акустической точки зрения (естественно, и физиологической), просодическая выделенность в той или иной форме свойственна всем звукам слога. Однако ударность с наибольшей яркостью обнаруживается в вокальном сегменте слога, поэтому обычно сопоставление ударного слога с безударным ограничивается сопоставлением гласных этих слогов. При этом их согласные, с точки зрения тюркской фонологии, могут быть совершенно различного "тембрального" качества (например "мат" [mat] - "мать" [mat']). Здесь мы не рассматриваем различные виды коартикуляции в русском языке. Что касается сингармонизма, то для него одинаково важны все звуки, составляющие слог; как согласные, так и гласные "тембрально" должны быть строго однородными. Нам могут возразить, что это результат коартикуляции между гласными и согласными. В какой-то степени да, однако важно отметить, что эта коартикуляция в фонологической системе тюркских языков функционально нагружена в качестве артикуляционно-акустической характеристики просодического признака слова и ее нарушение не допустимо. Тем не менее "тембральную" коартикуляцию типа тюркской считать универсальной общefonетической произносительной нормой для всех языков не следует, о чем свидетельствуют факты русского языка, где, например, с гласным заднего ряда [a] могут соседствовать как [t], так и [t'].

Видимо, следует последовательно различать коартикуляцию фонетическую (универсальную), характерную для всех языков как обязательный результат взаимовлияния соседних звуков, и фонологическую (частную), где она обусловлена выборочной функциональной необходимостью, характерной только для некоторого числа языков. Нарушение или же некоторая непоследовательность коартикуля-

ции в первом случае вполне допустимы, тогда как во втором случае важно ее строгое соблюдение. Например, щелинное произношение некоторых смьчных согласных в интервокальной позиции – явление общезонетическое. Однако если русское слово "тот" может быть охарактеризовано как последовательность из огубленного согласного [t°], огубленного гласного [o] и неогубленного согласного [t], где огубленность первого согласного определяется сильной артикуляционной связью, коартикуляционным влиянием следующего за ним огубленного гласного, а неогубленность второго [t] – слабой артикуляционной связью с этим гласным следующего за ним согласного¹²⁷, то, наоборот, казахское слово "тот" является последовательностью огубленного согласного [t°], губного гласного и огубленного согласного [t°]. Следовательно, в русском слове "тот" последний согласный можно произнести и как [t], и как [t°] с всевозможной модификацией оттенков между этими крайностями. Что касается казахского слова "тот", то здесь последний согласный лишен возможности такого варьирования, по мнению Л.В.Бондарко, из-за действия другого механизма, обеспечивающего такую же тесную артикуляторную связь согласного, следующего за гласным, как и согласного, предшествующего ему, т.е. сингармонической обусловленности всего комплекса слога (слова).

Разложение речи в линейно-произносительном плане на слоги, которые артикуляционно не могут быть разложены на более мелкие отрезки, уже никем не оспаривается. Однако о правилах определения границ слога (особенно в индоевропейском языкознании) все еще идут споры. М.И.Матусевич подчеркивает, что это одна из самых трудных проблем фонетики¹²⁸. Слог не может быть носителем смысла, а является лишь результатом физиологической последовательности движений артикуляционных органов, дающих определенный акустический результат. Следовательно, лингвистический критерий, аналогичный использованному в вопросе о фонеме,

¹²⁷См.: Бондарко Л.В. Слог: правила, интуиция, механизм // Функциональная просодия текста. М., 1982. Вып. 201. С. 64.

¹²⁸См.: Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 180.

по мнению М.И.Матусевич, здесь неприменим. Такого же мнения придерживается и Л.Р.Зиндер, отмечая, что слогоделение из-за отсутствия обуславливающих его языковых факторов наталкивается на большие теоретические трудности и остается неясным и спорным в самом своем основании. Любой звук речи вычленяется из текста только как языковая единица; в языках слогового строя, в которых граница слога, как правило, совпадает с границей морфемы, слог, отмечает Л.Р.Зиндер, может рассматриваться как форма выражения силлабофонемы (тонемы)¹²⁹.

Поскольку в слоговых языках граница морфемы всегда совпадает с границей слога, последний имеет строгую структуру с четко расставленными по своим местам компонентами. Говоря о фонологической интерпретации звуков слоговых языков, М.В.Гордина обращает внимание на образующиеся при постоянном совпадении слоговой и морфологической границ фонологические отношения, существенно отличающиеся от традиционно рассматриваемых. В таких языках, как китайский, вьетнамский, бирманский, тайский, место слогового раздела в речевой цепи является, по словам М.В.Гординой, строго обязательным, его нарушение либо создает новое сочетание морфем (слов), либо приводит к бессмыслице¹³⁰. Таким образом, обнаруживается главная отличительная черта слога в этих языках от индоевропейских. Многие авторы показывают, что между этими двумя группами языков существуют принципиально различные фонологические отношения, в индоевропейских языках отсутствует та особая система слогов, которую можно наблюдать в языках слогового строя.

Эти факты слогоделения в неслоговых и слоговых языках говорят о том, что тот или иной характер примыкания согласного к гласному ядру может быть обусловлен разными фонетическими факторами. В русском языке, по теории мускульного напряжения Л.В.Щербы, это будет ударение, тогда как в слоговых языках — тональная взаимозависимость.

¹²⁹См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 251.

¹³⁰См.: Гордина М.В. О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 180.

В результате анализа ряда исследований слогового строя различных языков Л.Р.Зиндер заключает, что "не существует общих для всех языков факторов, обуславливающих деление речи на слоги" 131.

Данный тезис наводит на мысль о специфической обусловленности слогаделения языков. Если в индоевропейской группе (например в русском) слоговое деление обусловлено ударением, а в слоговых языках (например вьетнамском) — тоном, то, на наш взгляд, в тюркских языках оно обусловлено сингармонизмом.

Следовательно, пока не будет понята до конца лингвистическая сущность сингармонизма и останутся попытки заменить его словесным ударением, невозможно определить принципы слогаделения в тюркских языках и описать их фонологическую систему.

Итак, для выявления любого звукового сегмента (в нашем примере это слог) необходимо выяснить, как происходит деление потока речи. Лишь во время учебного и научного анализа мы разбиваем речь на слоги, но это говорит о возможности такого членения при его обусловленности строгим лингвистическим фактором. Таким образом, связь любого языкового сегмента, в том числе слога, со смысловой стороной речи позволяет выделить его в самостоятельную лингвистическую единицу, и только тогда можно правильно и точно устанавливать границы слогов.

В тюркских языках одной из таких лингвистических единиц, связанных со смыслом, а потому свободно поддающихся выделению и разграничению, является слог. Это происходит благодаря его сингармонической организации, где сингармонизм выступает как единственный просодический признак слова аналогично ударению в индоевропейских и тону в слоговых языках Юго-Восточной Азии.

Поскольку просодический признак слова характерен для односложных и многосложных слов, то можно признать его характерным и для односложных тюркских слов.

"Сингармонизм" как синоним термина "гармония гласных" автоматически приписывался только дву- и многосложным словам. Сам термин "гармония гласных" и связанное с ним лингвистическое

131 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С. 256.

понятие, на наш взгляд, не может выступать как просодический признак всех тюркских слов: он предполагает как минимум два слога, а в тюркском языке немало односложных слов. Для сингармонического созвучия одинаково важны как гласные, так и согласные. Как следствие односторонней ориентации на гласные консонантизм тюркских языков до сих пор не получил системного анализа ни в фонологии, ни в фонетике, кроме работы Н.А.Баскакова¹³², на которую, к сожалению, пока ни один фонетист-тюрколог последующего поколения не обратил внимания. Конечно, недостатка в описании состава согласных фонем и их акустико-артикуляционных характеристик в различных тюркских языках нет; наоборот, таких работ в изобилии. Однако в них для каждого согласного дается единственное обобщенное артикуляционно-акустическое описание.

В результате создается впечатление, что казахские (тюркские) согласные имеют единственно возможную реализацию, тогда как сингармонизм предполагает четыре обязательные реализации каждого согласного с взаимоисключающими артикуляционными настройками и акустическими оттенками. А без учета этих форм реализации невозможно составить общую фонологическую картину тюркского консонантизма и провести членение слова на более мелкие единицы языка — на слоги и звуки.

Термин "гармония гласных" и связанное с ним понятие являются теми способами научного анализа, которые ступенькают одну из наиболее сложных и необходимых сторон фонетической структуры тюркского слова и облегчают изучение его просодики, представляя ее как функцию лишь вокальной части слова.

Таким образом, перед исследователями тюркской фонетики встают взаимосвязанные и взаимообусловленные вопросы определения тюркского слога и критерия установления границ слога, способ дальнейшего членения слога на его составляющие компоненты с последующим описанием их артикуляционно-акустической характеристики.

По результатам анализа, казахский слог — это наименьшая произносительная языковая единица, строго регламентированная одним из сингармонических тембров. Такая регламентация настолько устойчива, что нарушение сингармонического тембра внутри слога невозможно.

¹³²См.: Языки народов СССР. Т. 2. С. 18-21.

Поскольку словоопознавание и словоразличение в казахском языке зависят только от сингармонического тембра слога (слогов) односложного (многосложного) слова, то и способы слогоделения и признаки слоговой границы надо искать в сингармонизме.

Но прежде чем приступить к анализу данной проблемы, нам следует решить еще один немаловажный вопрос казахской фонетики: определение линейной величины казахских морфем — равна ли она отдельному звуку или слогу или существует то и другое. Факты анализа показывают, что в отдельном языке могут существовать морфемы меньше слога и равные слогу одновременно, а также существуют языки с морфемой меньше слога.

Рассмотрим общее понятие "слот", скрывающее в себе более одной единицы с разными свойствами. В.Б.Касевич в качестве примера берет слово "папа" — оно членится на слоги "па-па". Проблема критериев слогоделения возникает прежде всего применительно к случаям скопления согласных, а почти для всех других последовательностей лингвисты устанавливают слоговые границы одинаково. Это объясняется тем, что носители языка членят слова наподобие "папа" одним способом. Если абсолютную однозначность слогоделения выводить фактически из недвусмысленности показаний носителя языка, то в тех случаях, когда последний дает разные варианты слогоделения (например: се-стра, сес-тра), лингвист не должен стремиться снять эту неоднозначность в пользу того или иного единственного типа слогоделения. Именно неоднозначностью слогоделения в качестве данного и нужно объяснить этот факт¹³³. Л.Р.Зиндер отмечает отсутствие общих для всех языков факторов, обуславливающих деление речи на слоги. Такие факторы должны были бы иметь чисто физиологическое основание. Хотя цепь слогов, по его выражению, можно представить в виде волнистой линии с вершинами и долинами, с физиологической точки зрения нет никаких оснований для определения места, являющегося границей между двумя волнами¹³⁴.

Анализ слоговой структуры слова в казахском языке показывает, что легкость слогоделения в нем имеет вполне определенную

¹³³См.: Касевич В.Б. Фонологические проблемы... С. 167.

¹³⁴См.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С.256.

фонологическую основу. Обычно простоту определения слоговой границы в тюркских языках исследователи связывали с отсутствием накопления согласных внутри слова, с якобы равномерным чередованием гласных и согласных, а это считалось идеальным случаем для слога-деления. Однако нельзя забывать, что сочетание двух-трех согласных внутри слова, на стыке морфем и в конце слова в тюркских языках не редкость, например: *алға, астар, қарт, қартты*. Тем не менее слоговая граница в них и во множестве аналогичных им слов определяется всеми исследователями однозначно: *ал-қа, ас-тар, қарт, қарт-ты*. Как видим, в казахском языке отсутствует та трудность слога-деления, которая существует в русском языке. А это, должно быть, немаловажный факт в типологическом плане, который следует объяснить.

Сразу же отметим, что попытки связать тюркское слога-деление с регулярным чередованием гласных и согласных явно несостоятельны, ибо, во-первых, это было бы отказом от лингвистической обусловленности сегментных единиц языка, во-вторых, скопление согласных — явление весьма распространенное в тюркских языках.

Простота установления слогораздела в тюркских словах заключается в строгой организованности каждого слога соответственно одному из четырех сингармонических тембров, а также, вопреки классическому мнению, в отсутствии морфемы меньше слога в казахском языке (вероятно, это касается и других тюркских языков).

Остановимся на вопросе с морфемами.

В тюркологии, в том числе в казахском языке, отмечено немало морфем, которые состоят из одного согласного¹³⁵.

Морфемы *-с, -т, -й, -р, -м, -н, -ң, -к, -қ, -у [w]* и др. в отличие от морфем с гласным началом по существующему в тюркологии правилу "употребляются в том случае, если основа слов оканчивается гласным звуком"¹³⁶ или же "*-м* — после гласных, *-ым/ім* — после согласных, *-ң* — после гласных, *-ың/ің* — после согласных"¹³⁷. На первый взгляд, логичность данного правила как будто не вызывает сомнения, вследствие чего оно твердо укрепились во всей тюр-

¹³⁵Сопоставительная грамматика... С. 40-41.

¹³⁶Там же. С. 195.

¹³⁷Там же. С. 40.

кологии. Однако более тщательный и нетрадиционный анализ, проведенный нами, показал, что морфем, состоящих только из одного согласного, не существует. Следовательно, в казахском языке аффикса меньше слога не бывает.

Как известно, в тюркских языках сочетание гласных внутри слова исключено. Нами было обнаружено, что именно эта закономерность регулирует появление гласных на стыке морфем: если основа заканчивается, а аффикс начинается на гласный, то при их сочетании один из гласных выпадает. Но вопрос заключается в том, какой из этих гласных выпадает: завершающий основу или начинающий аффикс?

В тюркологической литературе этот вопрос решается очень просто. Исследователи считают, что в тюркских языках некоторые аффиксы имеют два варианта: один с гласным началом, другой из одного согласного. По их мнению, если слово имеет завершение на гласный звук, то с ним сочетается согласный вариант аффикса. Таким образом, никакой необходимости в выпадении или сохранении гласного на стыке морфем якобы нет.

Наши возражения касаются именно этого "согласного" аффикса: морфем, состоящих из одного только согласного, в казахском языке нет. Ни у кого не вызывает сомнений, что в составе ритмической группы, если начальное слово завершается и второе слово начинается на гласный звук, один из них выпадает, в результате чего на стыке двух слов произносится только один гласный. Р.Г.Сыздыкова на примере казахских слов показывает, в каких случаях и какой из гласных выпадает, и на поэтическом примере демонстрирует широкое использование этой закономерности казахской речи при образовании силлабической структуры каждой строки¹³⁸. Тот же вопрос подробно разработан составителем орфоэпического словаря казахского языка К.Неталиевой, которая также утверждает, что выпадение на стыке слов одного из гласных является одной из основных закономерностей казахской фонетики¹³⁹.

Если предыдущее слово завершается, а последующее слово начинается на один и тот же гласный, то, конечно, трудно установить, какой из них выпал. Для этого следует проанализировать те случаи, когда рядом оказываются разные гласные. Когда на стыке

¹³⁸См.: Сыздыкова Р. Сөз сазы. Алматы, 1983. 47 б.

¹³⁹См.: Неталиева Қ. Қазақ тілінің. 24 б.

слов оказываются разные гласные, на слух легко можно установить, какой из них выпадает. Выпадение первого гласного у исследователей не вызывает сомнения. Например: *сары+агаш - сар(ы)агаш - сарагаш, сары+ала - сар(ы)ала - сарала* (здесь и дальше непронизносимые в составе вновь образованной фонетической структуры гласные взяты в скобки).

Еще более убедительными примерами выпадания именно предшествующего гласного являются случаи, когда на стыке слов оказываются слоги различного сингармонического варианта. Благодаря сохранению или потере слогом сингармонического признака легко можно установить, какой из гласных произносится, а какой отсутствует в данной позиции. Например:

қара + от - қар(а)от - қарот ;
[qara + ot°] - [qar(a)ot°] - [qarot°]'

ала + өкпе - ал(а)өкпе - алөкпе ;
[ala + ök'p'ö] - [al(a)ök'p'ö] - [alök'p'ö]'

ауы + ішек - ау(ы)ішек - ауішек ;
[aš:y + iš'ek'] - [aš:(y) iš'ek'] - [aš: iš'ek']'

түлкі + ішік - түлк(і)ішік - түлкішік .
[t'ül'k'ü + iš'ik'] - [t'ül'k'(ü) iš'ik'] - [t'ül'k' iš'ik']'

Здесь везде наблюдаются сохраненные сингармонические признаки начального слога второго слова, что свидетельствует о наличии в его составе гласного как слогообразующего сегмента.

Происходящее на стыке слов с различными гласными аналогично ситуации с одинаковыми гласными, но не поддается обнаружению непосредственным слуховым наблюдением, если фонетист нетренирован и неопытен. Эта же закономерность, надо полагать, распространяется на те случаи, когда на стыке слов рядом оказываются одинаковые гласные: аналогично стыку с различными гласными и здесь выпадает первый из них, например:

ала + ам - ал(а)ам - алам ;
[ala + at] - [al(a)at] - [alat]

ешкі + інгет - ешк(і)інгет - ешкінгет .
[eš'k'i + in'd'et'] - [eš'k'(y)in'd'et'] - [eš'k'in'd'et']

Орфоэпические принципы урегулирования гласного стыка между словами в равной степени относятся и к случаям, когда на стыке оказываются различные гласные и когда в аналогичной позиции оказываются одинаковые гласные.

Таким образом, анализ казахской речи показывает, что его орфоэпическая норма предпочитает рассредоточение гласных при их скоплении путем исключения из структуры ритмической группы начального из них. Такая фонетическая модификация структуры слов во фразе является устойчивой закономерностью, и ее нарушение (произнесение слов с сохранением обоих гласных) меняет естественную ритмическую организацию речи.

Эта фонетическая закономерность встречается не только на стыке слов, но и устойчиво наблюдается на стыке морфем: между корнем и аффиксом, между двумя аффиксами. Поскольку соседство гласных внутри слова чуждо казахскому языку, в силу выделенной фонетической закономерности один из гласных не произносится.

Как было сказано выше, исследователи тюркских языков отмечают наличие ряда морфем, которые состоят из одного согласного — таких, как аффиксы: взаимного залога —с, принадлежности —м, —н, деепричастия —й, причастия —р, неопределенной формы глагола —у [w] и надежного окончания —н и др. Теперь рассмотрим их употребление на стыке морфем. Для начала возьмем, например, аффиксы взаимного залога — с гласным началом —ис, —іс [ys], [is'] и собственно консонантное —с [s]. Современное правило их употребления регулируется так: аффиксы с гласным началом присоединяются к корню с согласным завершением, тогда как их консонантный вариант — к корню с гласным концом. Например, употребление аффиксов с гласным началом: ал + и с [al + ys], мер + іс [t'e.r' + is'], ұз + іс [iis' + iis'ə].

А вот случаи, когда якобы присоединяется согласный аффикс:

*сана + с [sana + s], қара + с [qara + s],
істе + с [is't'es'], сілкі + с [s'le'ki + s].*

На первый взгляд, правило имеет четкие принципы – вот его модели, логичность которых ни у кого не вызывает сомнения: ГС+ГС=ГСГС, СГ+С=СГС. Однако это применительно только к письменному тексту, а в речи не удовлетворяет главный принцип просодики тюркского слова – сингармоническую обусловленность любой языковой единицы: любая морфема для возможности функционировать в тюркских языках, в том числе в казахском, должна быть организована соответственно одному из сингармонических тембров. Поскольку сингармонизм как просодическая (суперсегментная) единица реализуется минимально на уровне слога, то и существование чистой консонантной морфемы не реально.

А как быть с вышеприведенными -с, -р, -й, -у [w], -н и др., которые исследователями выделены в самостоятельные фонетические типы аффиксов и зафиксированы во всех без исключения учебниках, учебно-методических пособиях и научных трудах?

Для ответа на данный вопрос следует еще раз обратиться к орфоэпическому правилу организации ритмической структуры казахской речи: если на стыке двух слов оказываются два гласных, то один из них (обычно первый) выпадает. Тем более мы предварительно проанализировали стык между словами в ритмической группе. Орфоэпическая закономерность была обнаружена и на стыке морфем (предыдущая морфема заканчивается, а последующая начинается с гласного, и первый из них не произносится). Таким путем восстанавливается ритмическая структура аффиксального слова.

Несовершенство казахской орфографии не дает полного представления о звуковом составе слов, и мы вынуждены сопровождать каждый пример фонетической транскрипцией под каждым словом. Поэтому следует обратить особое внимание на транскрипцию – только она дает реальную фонетическую картину слова. Например:

*алтыс + ау – алт(ы)ау – алтау;
[alty + aw] – [alt(y)aw] – [altaw]'*

ek'i+ey - ek(i)ey - eкеу ;
 [ek'ɫ+ew] - [ek'(ɫ)ew'] - [ek'ew']

ɛcɛɫ+y - ɛc(ɛ)ɫy - ɛcɫy .
 [ysy+uɯ] - [ys(y)uɯ] - [ys'ɫɯ]

Были подобраны примеры, где на стыке морфем оказываются два разных гласных, чтобы легче было обнаружить, какой из них выпадает. Как и на стыке слов, здесь стечение гласных регулируется выпаданием предыдущего гласного. Следовательно, данная закономерность аналогичным образом будет действовать и на стыке морфем с одинаковыми гласными. Например:

ɫara+ay - ɫar(a)ay - ɫарай ;
 [qaza+aw] - [qaz(a)aw] - [qazaw]

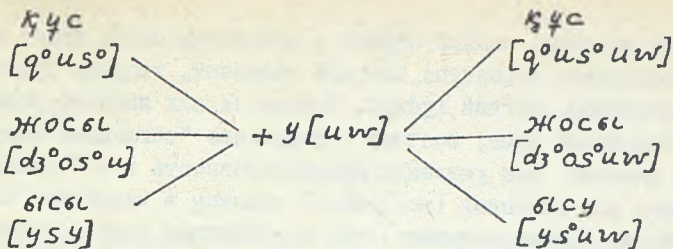
eɫe+ey - eɫ(e)ey - eɫey ;
 [el'e+ew'] - [el'(e)ew'] - [el'ew']

ip'i+u - ip(i)u - ири ;
 [ɫz'ɫ+i'] - [ɫz'(ɫ)i'] - [ɫz'ɫi']

ɫci+in - ɫc(i)in - ɫцин .
 [üs'ɔ'ü+iɫ'ɔ'] - [üs'ɔ'(ü)iɫ'ɔ'] - [üs'ɔ'iɫ'ɔ']

Звуковой состав аффиксов, прибавляемых к корням с гласным концом, подобен аффиксам, которые прибавляются к корням с согласным завершением, т.е. в обоих случаях аффиксы имеют гласный сегмент ГС.

Для большей наглядности приведем сравнение структур аффиксальных слов с корнями, которые имеют согласные и гласные завершения. Для последних приводятся оба варианта - с одинаковыми и различными гласными на стыке корня и аффикса. Например:

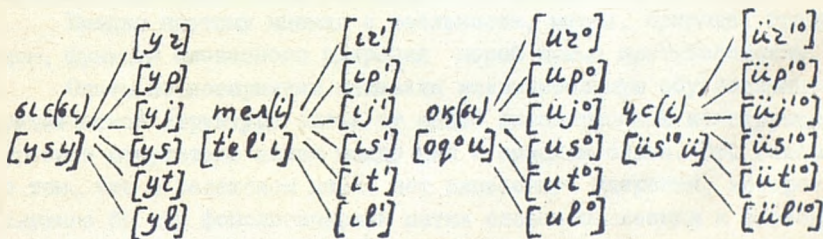
Во всех трех случаях аффикс имеет форму - [uw].

Обнаружение данной закономерности позволило установить, что в казахском, как и в большинстве других тюркских языков, аффиксы имеют не только твердые и мягкие, но и губные и негубные сингармонические варианты, которые традиционно не отмечались в казахском языкознании. Под согласной морфемой -с [s], например, скрывались все четыре сингаг юнических варианта этого аффикса: -но [ys], -ис [is'], -үс [us°], -үс [iis°]:

тан(б) + бис - танбис ; оқ(бл) + бис - оқбис ;
 [tan(y) + ys] - [tanys] ; [oq°[u] + us°] - [oq°us°] ;

тел(і) + іс - теліс ; дүрх(і) + іс
 [t'el'el'is] - [tel'is'] ; [b'°üz'k'°(ü) + iis'°] - [b'°üz'k'°üs'°]

И остальные "согласные морфемы" в речи реализуются в виде четырех сингармонических вариантов аффиксов:

Таким образом, каждый аффикс в казахском языке имеет четыре сингармонических варианта: твердый негубной, твердый губной, мягкий негубной, мягкий губной. Каждый из них линейно реализуется как отдельный слог, поэтому определение "согласная морфема" взято в кавычки для указания на ее условность как термина и нереальность как языковой (морфемной) единицы в казахском языке.

Итак, мы пришли к выводу, что в казахском языке морфемы меньше слога не существует. Линейная величина морфем, равная как минимум слогу, обусловлена самой природой сингармонизма, ибо тембральные характеристики сингармонизма могут реализоваться только в слоге, что исключает существование морфем-согласных, а гласные составляют морфему постольку, поскольку они самостоятельно образуют слоги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ результатов различных исследований "словесного ударения" в тюркских языках показывает, что следует говорить не о словесном ударении, а о фразовой, ритмико-синтагматической, логико-экспрессивной выделенности того или иного слога в слове, что не одно и то же. Не привели к положительным результатам ни традиционный (субъективно-слуховой) подход ранних исследователей к обнаружению и описанию словесного ударения, ни экспериментально-фонетические методы, которые внесли хаос в решение проблемы из-за отсутствия единой фонологической платформы.

Основными причинами утверждения словесного ударения в фонетической системе явилась недостаточная разработанность мелодической структуры тюркской речи, так как различные синтаксические мелодики и акустический эффект логико-экспрессивной выделенности того или иного слова интерпретируются как реализация словесного ударения; возможность образования однословной фразы (со своей автономной синтаксической интонацией), которая лишь формально совпадает с изолированным словом и может обладать интонацией различных коммуникативных типов предложений, а также эмоционально-экспрессивной интонацией со множеством оттенков.

Именно поэтому мнения о реальности, месте, природе, градации, функции словесного ударения порой прямо противоположны.

Опыты по восприятию показали исключительную обусловленность ритмической структуры слова от общей интонационной конструкции фразы и отсутствие связи между ней и смыслом слова. Это говорит о том, что в казахском языке нет словесного ударения, которое служило бы как фонологическая метка словоопознавания и словоразличения.

Остается актуальной проблема сигармонизма: история его изучения показывает, насколько данное явление было важной функциональной единицей в фонетической системе тюркских языков, и игно-

рировать сингармонизм или заменить его другой аналогичной единицей невозможно. Но решенной проблему просодики тюркского слова назвать нельзя. Определение сингармонизма основывалось на произнесении исконно казахских слов либо одинаково твердо, либо одинаково мягко (при этом губные модификации сингармонизма слова часто во внимание не берутся). В целом сингармонизм определяется как гармония гласных, и считается, что вокализм корня подчиняет себе вокализм аффиксов. Палатальную гармонию относят ко всему слову, лабиальную – только к корню. Ведущей функцией считают его способность "цементировать" звуки в слово и служить также пограничным сигналом. В тюркских языках сингармонизм ошибочно заменили ударением, и языки "потеряли" свой важный типологический признак.

Понятие "гармония гласных" не применимо к описанию просодики тюркского слова, ибо с точки зрения просодической организации слова одинаково важны фонетические характеристики как гласных, так и согласных звуков.

Результаты изучения сингармонической связи между звуками, составляющими слог, помогут решить такие важные вопросы тюркской фонетики, как определение и описание функции и природы слога, принципов слогоделения, линейной величины морфем, вариантов артикуляционно-акустической реализации гласных и согласных звуков.

Каждая родственная группа языков обладает определенным типом просодики слова. "Европоцентризм" в тюркологии привел к тому, что фонетисты просодику тюркского слова полностью свели к индоевропейской системе акцентуации. Но именно словесное ударение отличает индоевропейские языки от тюркских, а сингармонизм характерен лишь для последних.

Что касается тезиса о нарушении сингармонизма, то это результат изъянов в правилах орфографии казахского языка, а в современной речи носителей казахского языка нарушения не отмечены. Слитное написание разнотембральных морфем не дает основания считать их одним словом, ибо в речи они реализуются как последовательность двух самостоятельных лексических единиц.

Не редки случаи, когда теоретические и практические выводы не находят действительного подтверждения в языковых фактах, что серьезно мешает созданию полного и объективного научного труда по фонетике казахского языка.

Перед фонетистами-тюркологами стоит нелегкая задача установить истинное и мнимое в современной турецкой фонетической науке, а также дополнить ее недостающими элементами, которых, к сожалению, все еще предостаточно. Думаем, для выявления и описания специфических черт звукового строя турецких языков необходим новый понятийный аппарат, а также применение эффективных методов исследования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проблема акцентуации в тюркских языках до сего времени является одной из наименее разрешенных, хотя имеется ряд основополагающих исследований на материале отдельных современных тюркских языков. Об этапах изучения, о природе и характере тюркского словесного ударения, в частности о месте его локализации и физической природе, написаны труды отечественных и зарубежных ученых. И точки зрения их по этим вопросам самые противоречивые.

Большинство тюркологов считает основным ударением силовое, или динамическое, которое используется как делимитативное средство, поскольку в тюркских языках оно закрепляется, как правило, за последним слогом. Кроме силового в ряде тюркских языков: в турецком Э.В.Севортяном, киргизском И.А.Батмановым, узбекском А.Махмудовым и казахском Г.Шарафом — признается наличие музыкального ударения, которое обнаруживается преимущественно в первых слогах многосложных слов.

Более века назад В.В.Радлов, обратив внимание на редуцированные гласные уйгурского языка, пытался объяснить их происхождение особенностями словесного ударения. Он указывал на особо выделяемый полный ударяемый слог в диалекте таранчей (илийском говоре современного уйгурского языка) и в восточных диалектах, наименее — в киргизском (современном казахском языке) и в западных и южных диалектах¹.

Позже С.К.Кенесбаев в казахском, Н.А.Баскаков в каракалпакском языках отмечают наличие в многосложных словах также второстепенного ударения на одном из начальных слогов.

Таким образом, даже в близкородственных языках акцентуация, имея некоторые общелингвистические черты, может в той или

¹См.: Radloff W. *Phonetik der nordlichen Türkisprachen*. Leipzig, 1882. S. 97.

иной степени расходиться. Более того, известны случаи, когда обнаруживаются резкие различия типов ударения в отдельных говорах одного языка. Следовательно, вопрос о словесном ударении в каждом конкретном языке, имеющем свой путь развития и специфические особенности, должен решаться индивидуально, и выводы на основании исследования одного языка не могут распространяться на остальные. Примером служит шорский язык, который в отличие от большинства тюркских имеет музыкальное ударение, фиксируемое на финальном слоге словоформ².

Противоречивые мнения по одним вопросам можно объяснить не только отсутствием единых методических установок у исследователей, но отчасти и совмещением сингармонизма со словесным ударением. В этой связи следует признать, что наименее разработанной единицей как фонематически, так и фонетически в области просодики тюркского слова продолжает оставаться сингармонизм, который все еще таит в себе много загадок.

Нам представляется, что полярные взгляды по вопросам тюркской акцентологии – результат их недостаточной исследованности.

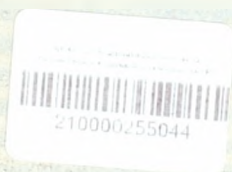
Несмотря на почти полное отсутствие сведений о просодических закономерностях тюркских языков древней поры (ударности, долготы, распределении акцентных характеристик ударных, слабуюдарных и безударных слогов, тоне, интонации и т.п.), А.Джунисбеков взялся за решение столь важной проблемы, как роль словесного ударения и сингармонизма в фонетической организации тюркского слова. Данную работу отличают научный поиск и творческая фантазия. В своих суждениях и выводах об историческом развитии и эволюции просодической системы тюркских языков автор сознательно опирается на гипотетические суждения об изучаемых явлениях. Здесь не лишне вспомнить слова Я.Гримма: "Я не сторонник общих правил в грамматике: они вносят кажущуюся строгость и законченность в определения, но препятствуют наблюдению, которое я считаю душой исследования языка"³.

²См.: Шавлова Н.В. Словесное ударение в нижнеирасском говоре шорского языка: Экспериментально-фонетическое исследование: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1983. С.6.

³Grimm J.: Deutsche Grammatik. Göttingen, 1822 S. IX.

Отметим, что утверждения А.Джунисбекова о нехарактерности для тюркских языков словесного ударения вступают в противоречие с существующими положениями. Но это лишний раз показывает сложность процесса фонетических и фонологических отношений ударения и сингармонизма в истории тюркских языков. Несмотря на спорность суждений, научные диспуты между сторонниками сингармонизма, с одной стороны, и словесного ударения – с другой, небесполезны для развития самой тюркологической науки. Можно полагать, что каждое новое исследование в этой области является определенным вкладом в изучение сложных вопросов тюркской акцентологии и фонетики.

Т.Т.ТАЛИПОВ,
доктор филологических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ПРОБЛЕМА УДАРЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	10
Глава 2. ПРОБЛЕМА СИНГАРМОНИЗМА	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
ПОСЛЕСЛОВИЕ	88

Алимхан Джунисбеков

ПРОСОДИКА СЛОВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати Ученым советом
Института языкознания
Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: кандидаты филологических наук
Б.Калиев, М.Исаев
Зав.редакцией Н.Л.Селиванова
Редактор Л.В.Бондаренко
Оформление художника Н.Ф.Чурсина
Корректор С.И.Осколкова

ИБ № 2420

Подписано в печать 28.10.86. УГ 12138

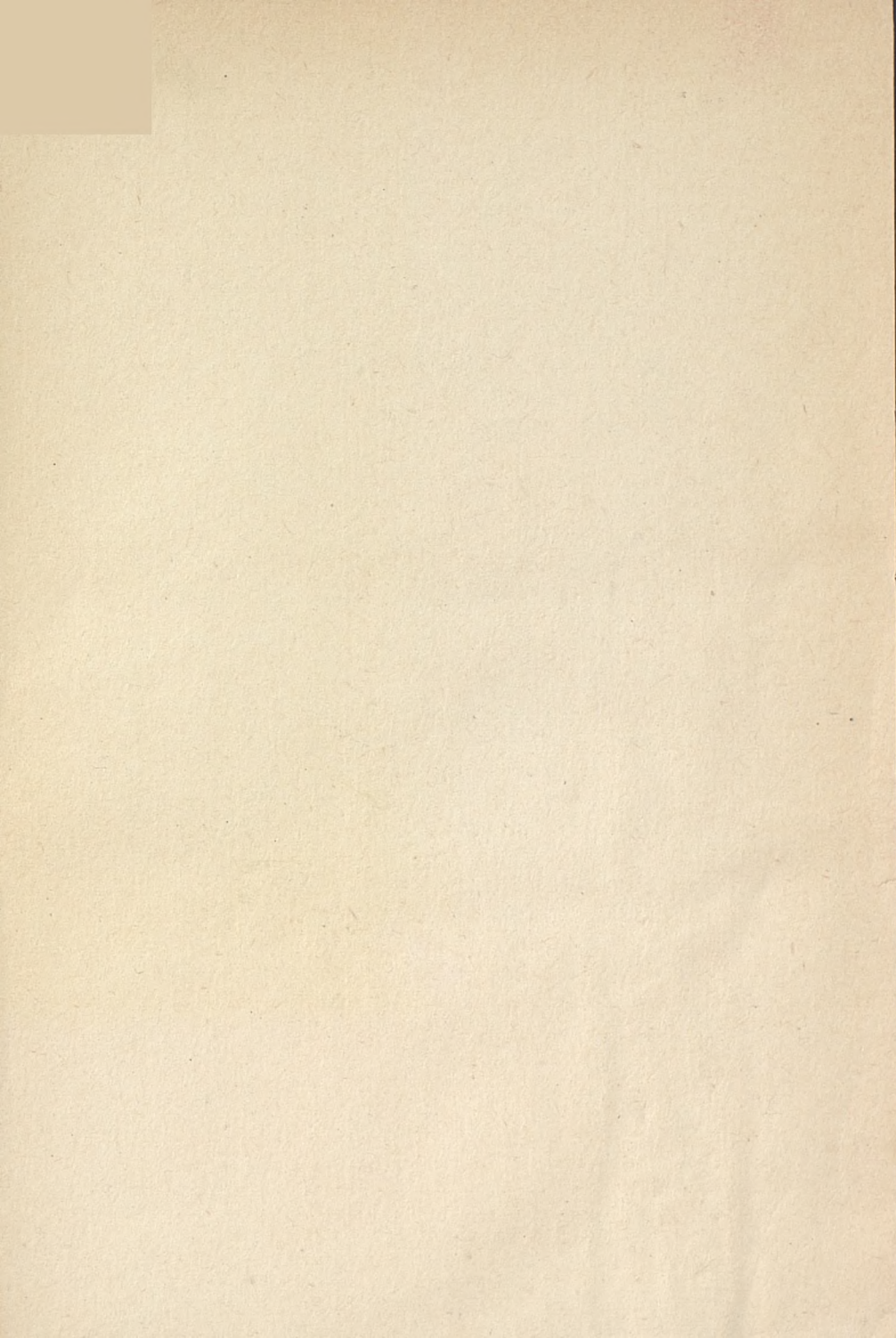
Формат 60x84¹/16. Бум.тип. № 1

Офсетная печать. Усл.п.л. 5,3

Усл.кр.-отт. 5,3. Уч. изд.л. 5,1

Тираж 500. Заказ 226. Цена 80 ..

Издательство "Наука" Казахской ССР
480100, г.Алма-Ата, ул.Пушкина, 11/113
Типография издательства "Наука" Казахской ССР
480021, г.Алма-Ата, ул.Шевченко, 28

Цена 80 коп.

